

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. со стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаютъ неоплаченными.

Мелкія рукоп. сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

и

Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 10 Января.

СОДЕРЖАНИЕ: Напоминаніе.—Справка.—Отъ редакціи.—Вопросы народнаго театра И. Иноземцева.—Враги и защитники искусства А. Ростиславова.—Памяти умершей (изъ Мюссе) стих. Е. Казберукъ.—Московскія письма Арсенія Г.—Хроника театра и искусства.—Замѣтки Ното повис.—Мой неудавшійся дебютъ (окончаніе) С. Шевиль.—Заграницею.—Провинціальная лѣтопись.—Репертуаръ Имп. Спб. театровъ.—Справочный отдѣлъ.—Объявленія.

№ 2.

Иллюстраціи и рисунки: «Заза» рис. А. Росва.—«Царь Θεодоръ» на московской сценѣ (4 иллюстр.) — «За честь отца» (мелодрама) на сценѣ Василеостровскаго театра — Каррикатура.

Портреты: Софіи Менцель, Камилла Эверарди, Падеревскаго и Іосифа Левинскаго.

Лит.- драм. отд. (только для подписчиковъ).
«Въ деревнѣ» К. Фоломьева (окончаніе).

Принимается подписка на 1899 г.
НА ЖУРНАЛЪ

„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“

Цѣна за годъ 6 р.

за полгода 4 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р. и по два руб.
1-го марта и 1-го юня.

См. стр. 48.

С.-Петербургъ, 10-го января.

Ниже читатели найдутъ отчетъ объ устроенномъ въ пользу Театральнаго Общества концертѣ, съ участіемъ артистовъ Императорскихъ театровъ. Разумѣется, благотворительность часто украшена девизомъ «ça mesoute si peu de choses et ça leur fait tant plaisir». Тѣмъ не менѣе, трудъ ли эта благотворительность, или нѣтъ — она даетъ плоды, и какъ видно по результатамъ, весьма солидные.

Заговорили мы объ этомъ потому, что среди сценическихъ дѣятелей часто слышишь нареканія на то, что провинціальныя артисты «устранены» отъ участія въ Театральномъ Обществѣ. Не устранены, но устранились—это точно. Въ образованіи фонда Театральнаго Общества провинціальныя сценическіе дѣятели участвуютъ весьма мало. Членскими взносами,—пожалуй, но нѣсколько другими способами и въ другой формѣ. Ничего не слышно, на примѣръ, о спектакляхъ въ пользу театральнаго фонда въ провинціи. А между тѣмъ какая большая цифра могла бы получиться отъ этой провинціальной лепты!

Если смотрѣть на фондъ Театральнаго Общества, какъ на складочный капиталъ — мы не говоримъ, что такъ именно и слѣдуетъ смотрѣть, — то доля участія, паевой, такъ сказать, рубль провинціального актера будетъ поистинѣ ничтоженъ. А между тѣмъ, худо ли, хорошо ли, все-таки въ черный день приходится сюда обращаться. И если въ Сибири случается театральное бѣдствіе — отзывается все тотъ же Петербургъ...

Осмотрѣться, подумать, стряхнуть съ себя лѣнь, безпечность, легкомысліе — давно пора. Время идетъ, годы бѣгутъ... Не успѣешь оглянуться, и старость стучится у порога, сирая, убогая, необезпеченная...

Этотъ вопросъ объ обезпеченіи тружениковъ-актеровъ занимаетъ насъ въ настоящее время съ особенною силою, и мы надѣемся въ скоромъ времени подѣлиться съ читателями результатами нашихъ работъ и соображеній въ видѣ стройной системы.

А пока не нужно забывать то, что есть, то, что существуетъ единственно—Театральное Общество.

Въ газетахъ появилось сообщеніе о томъ, что 15-го января исполняется 50 лѣтъ со дня утвержденія положенія объ императорскихъ артистахъ. Сообщеніе это нуждается въ поправкѣ. Положеніе объ императорскихъ артистахъ Высочайше утверждено 15 января 1839 г. (см. Собр. Зак. т. XIV, подъ № 11934), стало быть, въ этомъ году исполняется не 50 лѣтъ, а 60 со дня утвержденія положенія. Положеніе это, съ нашей точки зрѣнія, представляетъ нѣкоторые курьезы: такъ наряду съ управляющими Императорскими театрами, режиссерами, актерами, званіе артистовъ Императорскихъ театровъ присваивается и... театальному парикмахеру. Далѣе, всѣ артисты «по таланту, амплуа и должности» дѣлятся

на три разряда. Впрочемъ, парикмахеръ, какъ бы талантливъ ни былъ, состоитъ въ третьемъ разрядѣ.

Большая часть постановлений «Положенія», разумѣется, отмѣнена, но не всякая отмѣна была на пользу. Нельзя, напримѣръ, не замѣтить, что дѣленіе артистовъ Императорскихъ театровъ на разряды, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается вознагражденія, имѣетъ свое *raison d'être*. На чемъ основаны нынѣшніе оклады? Мы не говоримъ, что оклады назначаются, безъ соображенія съ дѣйствительными достоинствами, или что такъ бываетъ обыкновенно. Мы хотимъ лишь указать, что въ этомъ вопросѣ — вопросѣ весьма важномъ и существенномъ — нѣтъ опредѣленныхъ и руководящихъ основаній. Повышеніемъ для артиста должна быть не прибавка къ жалованью, часто случайная и находящаяся въ связи съ свободными суммами и остатками, а переходъ въ слѣдующій разрядъ...

Отъ редакціи.

Первый номеръ журнала, своевременно разосланный городскимъ подписчикамъ, вслѣдствіе недоразумѣнія съ икогородней газетной экспедиціей разосланъ икогороднимъ подписчикамъ только въ четвергъ, въ чемъ контора приноситъ подписчикамъ свое извиненіе.

Хъ слѣдующему номеру будетъ приложена пьеса Л. Радзивиловича „Исторія одного увлеченія“ и арія (съ русскимъ текстомъ) изъ новой оперы Масканьи „Iris“.

Просимъ сценическихъ дѣятелей, фамилии коихъ начинаются на буквы „Б“ и „В“ благовременно присылать о себѣ біографическія свѣдѣнія.

Новые подписчики на 1899 г. могутъ получить 1 выпускъ „Словаря“ за 50 к. вмѣсто 75 к., съ пересылкою. Полные комплекты за 1898 г. продаются за 6 р. (безъ пересылки), за 1897 г. (2-е изданіе—въ крайне ограниченномъ количествѣ) по 10 р. (безъ пересылки).

Вопросы народного театра.

I.

Вотъ уже третій годъ, какъ народный театръ выступилъ, такъ сказать, въ первую линію вопросовъ русской общественной жизни. И раньше, даже до 1862 г., устраивались кое-гдѣ въ деревняхъ спектакли для народа, но никто не придавалъ имъ существенно серьезнаго значенія. Это были, можно сказать, пробные шары—даже народный театръ на московской выставкѣ 1872 г. Теперь дѣло значительно измѣнилось; печать, особенно провинціальная, дѣятельно обсуждаетъ вопросы народного театра, и доказываетъ съ извѣстнымъ жаромъ необходимость народного театра для Царевкокшайска или желательность такого-то репертуара для проектируемаго въ

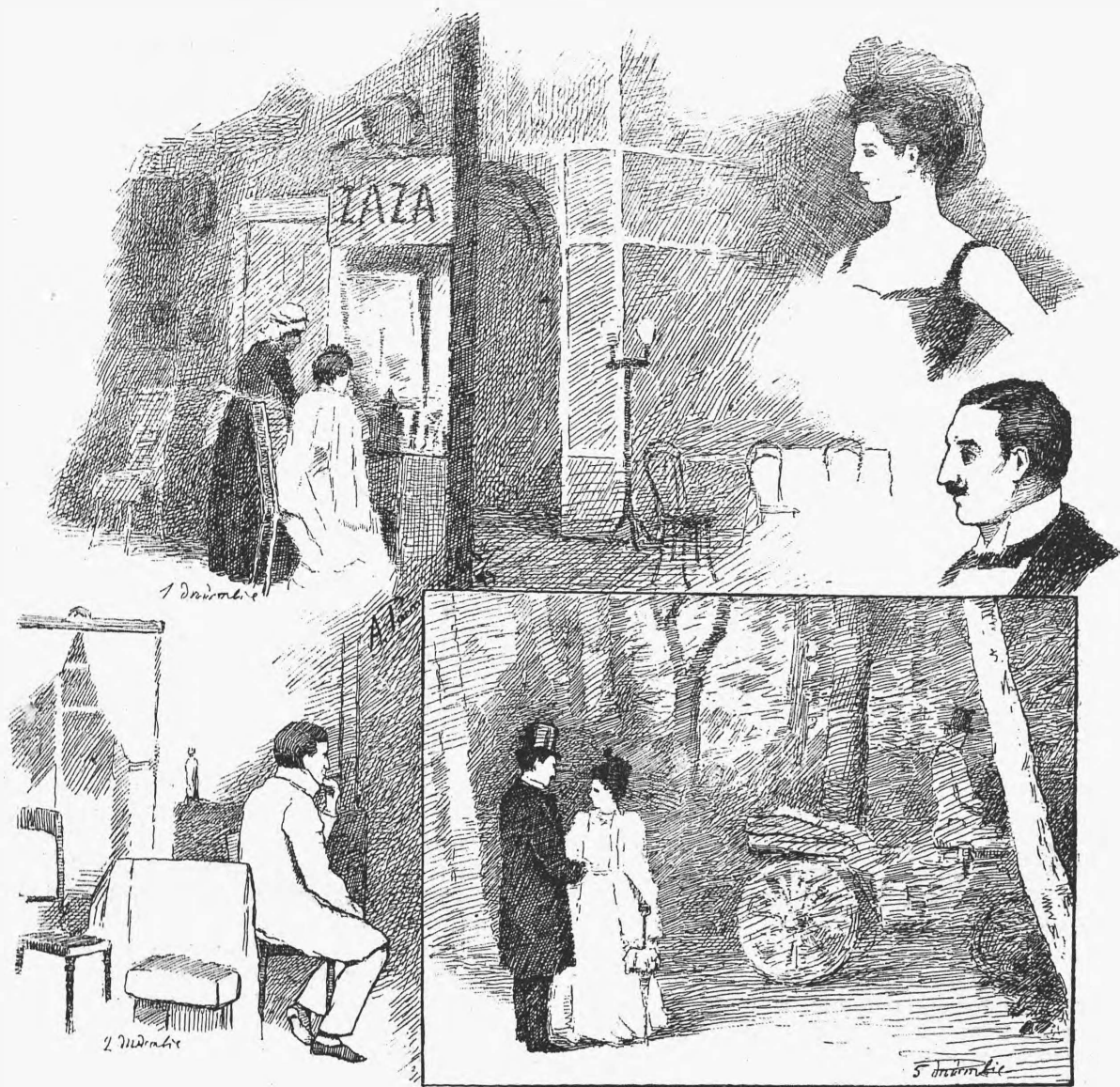
будущемъ столѣтіи народнаго театра въ Чухломѣ. Любопытно при этомъ, что разговоры идутъ далеко впереди дѣла, и если бы была сдѣлана хотя половина того, что наговорено, то уже давно Россія имѣла бы больше народныхъ театровъ, чѣмъ школъ. При всемъ томъ, даже теоретическое освѣщеніе дѣла едва ли особенно подвинулось впередъ, не говоря уже о множествѣ частныхъ вопросовъ, даже вообще остаются открытымъ и спорнымъ — нуженъ ли народный театръ, каковы его цѣли и назначеніе? Само собою разумѣется, не сдвинувши съ дороги этого препятствія, нельзя пойти и дальше. Разберемся въ матеріалахъ.

Что же говорятъ противъ народнаго театра? На первомъ планѣ нужно поставить, конечно, соображеніе о невозможности тратить на народныя развлеченія государственныя и общественныя деньги. Это точка зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Кіевлянина“. „Общественныя и государственныя средства пріобрѣтаются принудительнымъ путемъ и должны расходоваться съ величайшей осторожностью и лишь на тѣ назначенія, которыя дѣйствительно оправдываются государственной или общественной цѣлью“. Уже эта фраза, принадлежащая „Кіевлянину“, даетъ въ руки возраженіе. Государственные деньги на народный театръ могли бы пойти чрезъ попечительства, и слѣдовательно ихъ затрата будетъ „дѣйствительно оправдываться общественною цѣлью“, такъ какъ въ соответственномъ вѣдомствѣ—другой вопросъ, правильно или нѣтъ—признано, что народныя развлеченія являются весьма дѣйствительными противъ народнаго пьянства. Съ другой стороны нельзя такъ-таки категорически утверждать, что казенныя деньги не должны тратиться вообще на театральныя зрѣлища, — какъ разъ противоположное мы видимъ во всѣхъ государствахъ, дающихъ большія субсидіи или даже содержащихъ (съ убыткомъ) собственные оперныя, драматическіе и балетные театры. Если народный театръ по какимъ-либо другимъ мотивамъ не заслуживаетъ права на существованіе, тогда другое дѣло. Пока же, что упрекъ въ затратахъ на него казенныхъ денегъ не имѣетъ значенія, тѣмъ болѣе, что и въ Россіи и за границей есть примѣры народныхъ театровъ, ведущихся собственными силами и безъ затраты какихъ бы то ни было казенныхъ денегъ.

Что касается до „Московскихъ Вѣдомостей“, то къ этому финансовому обвиненію онѣ присоединили еще и политическое, записали всѣхъ дѣятелей народнаго театра въ Кукшинъ и К^о и объявили основную мысль „интеллигентовъ“ насчетъ необходимости размноженія у насъ народныхъ театровъ, не выдерживающей строгой критики. Это, конечно, обычная тревога „Московскихъ Вѣдомостей“, зачуявшихъ ненавистнаго „интеллигента“.

Другая категорія противниковъ народнаго театра выходитъ изъ чисто религіозныхъ соображеній. Такъ въ концѣ 1897 г. министерствомъ финансовъ были выпущены отдѣльной брошюрой „Отзывы о результатахъ введенія казенной продажи питей въ восточныхъ и южныхъ губерніяхъ“. Въ числѣ ихъ имѣются и отзывы преосвященныхъ по всѣмъ епархіямъ, и всѣ они говорятъ сочувственно о дѣятельности попечительства и не возражаютъ противъ народныхъ спектаклей. Исключеніе составляетъ лишь епископъ пермскій и соликамскій, утверждающій, что „наша православная церковь не благословляетъ театральныхъ зрѣлищъ“. Далѣе епископъ пермскій ссылается на споръ въ XVII вѣкѣ университетовъ Галльскаго и Виртембергскаго, закончившійся рѣшеніемъ, что театральныя зрѣлища и опасны, и неприличны. Тѣмъ не менѣе эти же ученые пришли и къ такому заклю-

„З а з а“.

(Рис. А. Ро--ва).

ченію: „на эти утѣхи и забавы нѣтъ запрещенія въ словѣ Божіемъ“ („Отзывы“, стр. 46).

Кромѣ этого намъ извѣстно еще только одно возраженіе того же типа, въ которомъ, впрочемъ, преобладаютъ соображенія народной нравственности. Возраженіе это принадлежитъ „Астраханскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“: „простой нашъ народъ до настоящаго времени былъ чуждъ подобныхъ развлеченій и удовольствій, къ которымъ онъ, по врожденной своей скромности и сохранившейся еще въ немъ цѣломудренности, не питалъ никогда склонности и расположенія, считая всѣ подобныя развлеченія грѣховными, а лицъ, подвизающихся въ театрахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, падшими въ нравственномъ отношеніи“. Если даже за „настоящее время“ считать все текущее столѣтіе, то и въ такомъ случаѣ приведенное утвержденіе „Вѣдомостей“ фактически не вѣрно, такъ какъ „подобныхъ развлеченій и удовольствій“ нашъ народъ никогда не чуждался, о чемъ свидѣлствуютъ существовавшіе сотни лѣтъ скоморохи и гудочники, также театръ маріонетокъ, Петрушки и малороссійскій „вертепъ“, въ которомъ разыгрывается цѣлый рядъ пьесъ, вродѣ наказанія царя Ирода, любви казака и его гибели отъ укуса змѣи. Чтобы еще ближе подойти къ чисто

театральнымъ представленіямъ, напомнимъ о „Пещерномъ дѣйствіи“, этомъ прообразѣ западно-европейскихъ мистерій, а также о царѣ Максимиліанѣ, жившемъ въ нашемъ народѣ уже очень давно. Наконецъ есть изъ прошлаго столѣтія (1765 г.) свидѣтельство писателя М—кина по поводу открытія тогда въ Петербургѣ чего-то вродѣ народного театра: „Со втораго дня Святыя Пасхи открылся сей театръ: онъ сдѣланъ на пустырь за Малай Морской. Нашъ низкой степени народъ столь великую жадность къ нему показалъ, что оставя другія свои забавы, изъ которыхъ инныя дѣйствіемъ не весьма забавны, ежедневно на оное зрѣлище сбирался“ (Цитир. у г. Щеглова, „Народный театръ“).

Наконецъ „Кіевлянинъ“ нашелъ еще одну причину отрицать необходимость народного театра. „Наши городскіе театры представляютъ столько извращеній, столько отталкивающихъ и возмущающихъ уродливостей, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ подлежатъ еще большому сомнѣнію: слѣдуетъ ли ихъ отнести къ учрежденіямъ полезнымъ, или вреднымъ, поучающимъ и возвышающимъ духъ, или развращающимъ и унижающимъ умъ и нравственное чувство“. Далѣе говорится, что въ литературѣ работаетъ губительный червь развращенія и даже „Власть тьмы“ извѣдена этимъ

червемъ. Оставляя автора статьи съ его курьезнымъ, чтобы не сказать болѣе, мнѣніемъ насчетъ „Власти тьмы“, можно ему только замѣтить, что когда говорятъ о народномъ театрѣ, то вовсе не думаютъ о фарсѣ и опереткѣ, а имѣютъ въ виду истинно художественныя произведенія, „поучающія и возвышающія духъ“. Не даромъ же главнѣйшая часть обширной нынѣ русской литературы по народному театру именно трактуетъ о его репертуарѣ.

Такимъ образомъ всѣ возраженія принципиальныхъ противниковъ народнаго театра разбиваются сами собой. Ни религія, ни нравственность отъ него не пострадаютъ, государственныя деньги на него можно тратить, разъ онъ будетъ признанъ преслѣдуемымъ извѣстныя государственныя или общественныя цѣли—нужно, слѣдовательно, доказать только, что народный театръ полезенъ и необходимъ...

Ив. Иноземцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Враги и защитники искусства.

Чрезвычайно интересное время переживаетъ наше искусство. Несомнѣнно, именно въ области живописи назрѣло много животрепещущихъ вопросовъ; несомнѣнно, рознь и партійность между художниками и сбивчивость представленій о сущности искусства сказывается въ публикѣ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, несомнѣнно, наконецъ, такъ называемое декадентство, которому многіе такъ охотно и уже не разъ пѣли панихиду, у насъ по крайней мѣрѣ и не думаетъ умирать, а наоборотъ, въ лицѣ новаго художественнаго журнала „Міръ искусства“ храбро поднимаетъ свое знамя. Страстные и горячіе толки, которые возбуждаютъ среди художниковъ и интересующейся публики оба новыя художественныя изданія, дотакое, можно сказать, курьеза противоположныя другъ другу и тѣмъ не менѣе сходящіяся на одномъ пунктѣ—культъ Васнецова и до смѣшнаго напоминающія стараго брюзжащаго дѣда и задорнаго юношу внука,—все это указываетъ на жизненность, на важность поднятыхъ ими вопросовъ. И, какъ это нерѣдко бываетъ, комическіе и мелкіе на первый взглядъ эпизоды, перепутываются съ важнымъ и существеннымъ. Недавно напр. „самая распространенная газета“ опубликовала на „всю Россію“, что въ одномъ „почтенномъ“ художественномъ обществѣ на „пятничномъ“ собраніи былъ провозглашенъ и „дружно подхваченъ“ всѣми присутствовавшими тостъ за г. Буренина, какъ за защитника „искусства отъ грубыхъ нападокъ любителей всякаго новшества“. Я думаю, самъ г. Буренинъ, который довольно не глухъ, не удержался отъ смѣха, узнавъ о такомъ курьезномъ тостѣ. Конечно, забавно и въ своемъ родѣ прелестно, что торжественно объявляется защитникомъ искусства съ „подниманіемъ тоста“ г. Буренинъ, который не скупится на самыя неприличныя и беззастѣнчивыя выходки, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ по адресу двухъ крупнѣйшихъ представителей этого искусства у насъ—Рѣпина и Антокольскаго, который и въ этомъ фельетонѣ, какъ и всегда, обнаружилъ изрядную долю невѣжественности въ области живописи, подписываясь подъ одряхлѣвшей и казалось бы, давно уже сданной въ архивъ, формулой Чернышевскаго, сравнивая и сваливая въ

одну кучу съ „Тадемами, Бугеро, Лефеврами, и Семирадскими“ одного изъ самыхъ оригинальныхъ и громадныхъ современныхъ художниковъ—Васнецова. Конечно, и „почтенное“ общество, въ послѣдніе годы „престранно себя аттестующее“, едвали удивить кого либо изъ людей свѣдущихъ своимъ тостомъ. Но вѣдь публика-то, „вся Россія“, читающая „самую распространенную“ газету, мало свѣдущая въ дѣлахъ искусства и ослѣпленная ловкой игрой полемическихъ пальцевъ г. Буренина, можетъ и вѣзправду подумать, что г. Буренинъ дѣйствительно защитникъ искусства, ибо увѣнчанъ этимъ званіемъ самыми гг. художниками, и что, видно, ужъ очень плохо приходится бѣдному искусству, если оно нуждается въ такомъ адвокатѣ. Нѣтъ, какъ хотите, а этотъ курьезный и мелкій на первый взглядъ фактъ—онъ имѣетъ большое значеніе. Ибо, какъ оно ни печально, а въ данномъ случаѣ за спиной г. Буренина стоитъ большая аудиторія, раздѣляющая его взгляды и готовая принять на вѣру всѣ его „разсужденія“.

Врагъ, на котораго обрушился г. защитникъ искусства (позвольте уже удержатъ этотъ судебный терминъ), новый художественный журналъ „Міръ искусства“ и его редакторъ г. Дягилевъ. Къ удивленію, въ числѣ сотрудниковъ этого органа, враждебнаго искусству, мы встрѣчаемъ самыя почтенныя и извѣстныя имена крупнѣйшихъ и интереснѣйшихъ представителей русскаго искусства: И. Рѣпина, В. и А. Васнецовыхъ, В. Полѣнова, П. Соколова, В. Сѣрова, М. Нестерова, И. Левитана, знаменитаго финляндскаго художника Эдельфельда и др. Очевидно, не на эти имена направлены „грубыя нападки“ врага искусства. Слѣдовательно, не въ нихъ олицетворяется обиженное имъ искусство. Но въ комъ же? Ужъ не въ господахъ ли членахъ „почтеннаго“ общества, „дружно подхвачившихъ тостъ“, и имъ подобныхъ?

Судя по первымъ номерамъ, журналъ „Міръ искусства“ ведется неглупо, убѣжденно и довольно умѣло, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе умѣло, чѣмъ другой художественный журналъ руководимый „генералами“, и что онъ ставитъ чрезвычайно серьезные вопросы искусства.

Надо признаться, что публика не любитъ декадентовъ. Издѣваться надъ декадентами сдѣлалось общимъ мѣстомъ, а между тѣмъ многіе ли представляютъ себѣ ясно, что такое декаденты и декадентство? Пленеристы, импрессионисты, даже пуантилисты еще недавно считались декадентами, а теперь публика сплошь и рядомъ любитъ ихъ произведеніями на выставкахъ, даже и не подозревая, что ихъ надо окрещивать страшными когда-то названіями. Дѣло очень просто: эти теченія, направленія, внесшія такую свѣжую струю въ современную живопись, совершенно логичны и законны, и потому, конечно, завоевали и завоевываютъ себѣ право гражданства, оттолкнувъ сначала публику своей новизной и нѣкоторыми крайностями. Ужъ не декадентство ли символизмъ, который такъ-же старъ, какъ старо само искусство и который является теперь новшествомъ, только благодаря господствовавшему недавно въ живописи и литературѣ и исключавшему его реалистическому направленію? Въ сущности, публика не любитъ и боится всего новаго въ искусствѣ и очень довольна, что въ настоящее время это новое можно окрестить подвернувшимся словечкомъ—декадентство. Далеко не неправъ извѣстный англійскій эстетикъ Оскаръ Уайльдъ въ слѣдующемъ желчномъ приговорѣ: „Публика ненавидитъ новшество... Она унижаетъ классиковъ до степени авторитетовъ и превращаетъ въ своего рода

дубины, чтобы побивать ими всякое свободное выражение прекрасного въ новыхъ формахъ... Обо всемъ, что ново, публика неизмѣнно говоритъ одно изъ двухъ: „это бессмысленно“ или „это безнравственно...“ Не привожу еще болѣе рѣзкихъ выражений. Публику отталкиваютъ и пугаютъ эксцентричности и крайности, за которыми она нерѣдко не можетъ разсмотрѣть глубокой и интересной сущности, подобно тому, какъ дѣтей пугаютъ эксцентрическія детали въ лицѣ или костюмѣ можетъ быть очень хорошаго человѣка. Внѣшность и особенно привычная внѣшность играютъ для насъ большую роль.

„Защитникъ“ искусства г. Буренинъ, касаясь, съ обычною ловкостью разнаго вздора, ни слова не говоритъ о сущности и содержаніи статьи г. Дягилева „Нашъ мнимый упадокъ“. Статья эта, трактуя о сущности современнаго декадентства и о причинахъ гоненія на него, надо сознаться, интересно ставитъ вопросъ. Въ настоящее время мы переживаемъ естественный періодъ „переоцѣнки укоренившихся поклоненій“. Ссылаясь на очень интересные примѣры и моменты въ исторіи искусства, доказывающіе несомнѣнность вѣчно повторяющагося закона эволюціи въ смѣнѣ однихъ направленій другими и вѣчно повторяющейся при этомъ борьбы, указывая на то, что и въ нашемъ столѣтіи три преобладающія теченія въ искусствѣ: классицизмъ, романтизмъ и реализмъ развились самостоятельно, каждое само по себѣ, и совершили полный эволюціонный путь,—авторъ естественно ставитъ вопросъ, упадокъ какого же изъ этихъ направленій представляютъ современные декаденты, „съ какой высоты упали“ они? Ибо, несомнѣнно, декадентство не вылилось ни въ одну изъ этихъ „украшенныхъ этикеткой формъ“, а между тѣмъ и противники его не могутъ отрицать, что оно уже внесло въ искусство нѣчто новое, свѣжее и здоровое (плениеризмъ, импрессионизмъ и пр.), и что слѣдовательно оно имѣетъ право на существованіе, хотя и само еще „томительно ищетъ“ свой „храмъ“. Стало быть, въ строгомъ смыслѣ надо называть декадентами всѣхъ современныхъ представителей искусства, гонителей декадентства, такъ какъ они сами представляютъ упадокъ когда-то блестящаго періода, каждый въ предѣлахъ своего направленія, вродѣ напр. гг. Семирадскихъ и Бакаловичей, этихъ декадентовъ псевдо-классицизма или старыхъ передвижниковъ, скучныхъ, неинтересныхъ декадентовъ въ свое время трезваго и нужнаго народническаго и реалистическаго теченія въ искусствѣ.

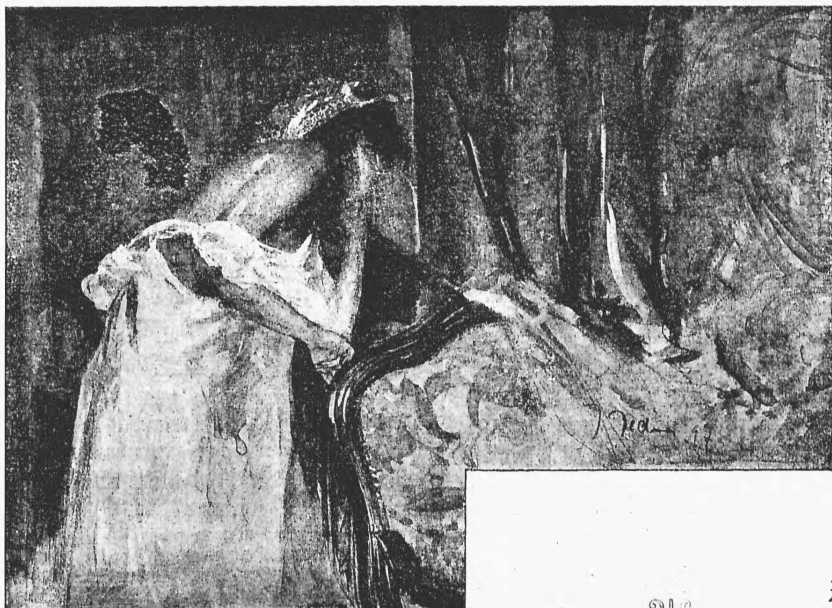
Забавно и въ то же время печально, что у насъ все еще приходится выяснять и доказывать истины, казалось бы, давно уже выясненные и доказанные, ставить и поднимать вопросы, казалось бы, давно уже сданные въ архивъ. Таковы напр. вопросы объ отношеніяхъ этики къ эстетикѣ, о борьбѣ утилитаристовъ съ поклонниками искусства для искусства, которые пришлось поднять г. Дягилеву во второй своей статьѣ „Вѣчная борьба“. Несомнѣнно, что Писаревъ и Чернышевскій у насъ еще не переварены. Но неужели же не ясно, что въ разсужденіяхъ поклонниковъ обязательнаго моральнаго или религіознаго утилитаризма въ искусствѣ, какъ и въ послѣднемъ трактатѣ Льва Толстого, говорится о какомъ-то искусствѣ безъ искусства, о кастрированномъ искусствѣ, лишенномъ самыхъ его существенныхъ элементовъ—элементовъ наслажденія и красоты? Вѣдь нельзя же говорить о цвѣткѣ, какъ о художественномъ созданіи природы, если у него оторвали нарядные лепестки и лишили его аромата, хотя онъ, конечно, можетъ оставаться полезнымъ

растеніемъ. Мнѣ кажется, всѣ эти споры и толки, вся эта борьба съ „чистымъ искусствомъ“, возбуждаются потому, что у насъ до сихъ поръ еще рѣзко въ искусствѣ отдѣляютъ исполненіе отъ содержанія, при чемъ первое считается только средствомъ, ибо до сихъ поръ еще не признали и не поняли, что именно самое исполненіе, форма заключаютъ въ себѣ вполне самостоятельныя эстетическія элементы, что живопись сама по себѣ помимо содержанія имѣетъ несомнѣнное эстетическое значеніе, хотя ясные намеки на признаніе этой самостоятельности были высказаны еще сто лѣтъ назадъ отцомъ нашихъ художественныхъ критиковъ Лессингомъ въ его Лаокоонѣ. Именно, форма искусства есть нѣчто вѣчно живое, вѣчно развивающееся и никогда не укладывающееся въ опредѣленные рамки, именно въ силу этого роль искусства никогда не можетъ быть подчиненной, а всегда будетъ самодовлѣющей. Современные художники глубоко понимаютъ значеніе формы, откуда съ одной стороны именно теперь такое детальное изученіе ея, и съ другой такія интересные попытки художниковъ-стилистовъ, какъ нашъ Васнецовъ, Пюви де-Шаваннъ, финляндскіе, шведскіе и норвежскіе художники, сознательно упрощающихъ ее, чтобы проникнуть въ духъ извѣстной эпохи. Попытки эти обыкновенно принимаются публикой тоже за декадентство, хотя во многихъ изъ нихъ, несмотря можетъ быть на нѣкоторыя крайности, чувствуется нѣчто цѣлесообразное и логичное.

Кличка декадентства въ настоящее время не страшна, ибо она прикрываетъ не одно шарлатанство, а и новыя, свѣжіе здоровыя побѣги возрождающихся формъ искусства. Печальнѣе же всего, что очень многіе „жрецы искусства“ и такъ называемые авторитеты щедро расточаютъ нарождающимся теченіямъ брань и упреки. Это періодически повторяющееся явленіе, когда люди, казалось бы, не глупые, свѣдущіе, честные и искренніе, подъ конецъ своей дѣятельности, яростно нападаютъ на все свѣжее въ искусствѣ, сами уподобляются тѣмъ, съ кѣмъ въ молодости вели борьбу и сами впадаютъ въ настоящій декадансъ, борясь съ „декадентствомъ“. Честь и слава такимъ художникамъ, какъ Рѣпинъ, которые понимаютъ и чувствуютъ вѣчную эволюцію искусства и не боятся признать законность новыхъ вѣяній, хотя бы и не отвѣчающихъ тому, съ чѣмъ они сроднились. Именно въ такомъ отношеніи къ искусству сказывается талантъ этихъ людей, далеко опередившихъ свое время и не старѣющихъ, не смотря на десятки лѣтъ ихъ дѣятельности. Такіе авторитетные голоса необходимы именно теперь, когда у насъ царитъ такой сумбуръ въ представленіяхъ объ искусствѣ, когда бранное слово „декадентъ“ раздается безъ разбора направо и налево, когда такіе антиподы, какъ гг. Стасовъ и Буренинъ, сходятся въ своихъ вкусахъ и чуть ли не готовы протянуть другъ другу руки надъ поверженнымъ въ прахъ г. Дягилевымъ, когда не только публика, а и художники съ трудомъ могутъ различить, гдѣ враги и гдѣ защитники искусства.

А. Ростиславовъ.

Памяти умершей.

(Изъ Мюссе).

Она была прекрасна, но какъ ночь,
Жизная ночь прекрасная можетъ-быть,
Какъ Микель-Анжело творение въ глухой
Часовни мрачной и пустой.

Она была добра; довольно ли одной
Безмолвной милостыни мертвой и сухой,
Которую и Богъ не видѣлъ и не зналъ?
И развѣ золото замѣнить состраданье?

И на чель ея кто могъ ея мечтання
Угадать? кто мысль ея читаль?
Какъ шумъ ручья, какъ вздохъ его, какъ ро-
потъ,
Тонъ голоса ея спокойнаго звучалъ;

И кто слыхалъ ея молитвы шопотъ
И взоръ склоненный за молитву прини-
малъ,
Взоры чудныхъ глазъ ея? и если онъ
мольбой
Зовется,—о, тогда молилася она!

Ея улыбка походила на цвѣтокъ,
Который лепестки раскроетъ подъ грозой,
Но тотчасъ же завянетъ и умретъ,
Склоняся головою на тонкій стебель свой.

Не плакала она, но еслибъ на землѣ
Она увидѣла небесную росу,
Быть можетъ, благодатная слеза
Тогда холодную ея согрѣла-бъ грудь.

Она любила бы, когда-бъ слыла гордости
Ея безплодной не владѣла бы душой,
Какъ погребальная безмолвная свѣча,
Которая на гробъ лить свѣтъ напрасный свой...

И умерла она, и словно не жила.
И книга медленно изъ рукъ ея упала,
Которую она передъ собой держала
И гдѣ она ни слова не прочла.

Елена Калверчукъ.

Московскія письма *).

II.

Первая серьезная побѣда Общедеушно-Художественнаго театра, это—конечно, постановка „Чайки“. Въ Москвѣ восторжались и постановкой „Царя Федора“, но едва ли слѣдуетъ придавать особое значеніе московскимъ восторгамъ такого рода. Принимали пьесу, которая явилась приятной неожиданностью среди пустяковъ современнаго репертуара, а думали, что принимаютъ исполненіе. Увидѣли „настоящія“ кички, охапки, недурно сдѣланные, хотя и

*) Критика не можетъ не отличаться субъективностью—вотъ почему редакция охотно помѣщаетъ талантливое письмо г. Арсенія Г., касающееся, главнымъ образомъ, „Чайки“ г. Чехова, но съ письмомъ этимъ мы лично нимало не согласны. По нашему мнѣнію, „Чайка“—довольно посредственное произведение г. Чехова, вродѣ „Чернаго монаха“ или „Палаты № 6“. Посредственное для такого талантливаго автора, какъ г. Чеховъ, разумѣется. Дѣло совсѣмъ не въ манерѣ, не въ импрессионизмѣ, не въ символизмѣ, не въ подражаніи Метерлику, а въ томъ, что „нутро“, то самое, что горитъ—что должно горѣть—въ талантливомъ авторѣ—на этотъ разъ какое-то вялое. Словно, все это механически соединено для извѣстныхъ цѣлей и для достиженія нѣкотораго настроенія. Ибо когда оно есть, настроеніе его, нельзя не замѣтить. Вѣдь вотъ „Дядя Ваня“, напримѣръ, какъ плохо ни играй его, а онъ кричитъ о себѣ. И въ томъ впечатлѣніи, которое „Чайка“ произвела, дѣйствительно нельзя не видѣть результатовъ умнаго, талантливаго, быть можетъ, вдохновеннаго режиссерства.

Прим. ред.

мутноватыя декорации, болѣе или менѣе стройно дисциплинированную сценическую толпу, и рѣшили, что видятъ осямое чудо... Обычное московское недоразумѣніе—слѣдствіе нашей всегдашней московской слабости имѣть все „собственное“. Собственный Одеонъ, собственный Сарсе, собственный стиль, собственные Дузы: надо имѣть и собственныхъ мейнпигенцевъ...

По постановка „Чайки“—побѣда несомнѣнная. Здѣсь впервые мы увидѣли и то, къ чему совсѣмъ не привыкли: серьезный и упорный трудъ въ приложеніи къ сценѣ. Но именно—трудъ. Собрать толпу пожарныхъ и разучить съ ними народную сцену, выдрессировать маленькихъ актеровъ настолько, чтобы они, изображая бурговскихъ или брабантскихъ рыцарей, двигались по сценѣ, не путаясь межъ главныхъ персонажей, обставить пріемный залъ или брачное пиршество исторически точными аксессуарами—все это еще не трудъ. Сценическая техника за послѣдніе годы такъ развилась, что успѣли и въ данныхъ отношеніяхъ выработать свои рутинные приемы, и свои шаблоны. Другое дѣло внести въ исполненіе духъ пьесы, заставить артистовъ пропитаться манерой автора, тѣми особенностями, которыя, составляя индивидуальность автора, не позволяютъ играть его пьесу такъ, какъ пьесы другихъ авторовъ.

Гг. Немировичъ-Данченко и Станиславскій усвоили актерамъ колоритъ „Чайки“, и мы ясно видѣли, что, играя „Чайку“ такъ, а не иначе, актеры всякую другую пьесу будутъ играть иначе. Быть можетъ, въ этомъ и слѣдуетъ искать разгадку, почему въ Москвѣ встрѣтили съ такимъ восторгомъ пьесу, не имѣвшую никакого успѣха въ Петербургѣ.

„Чайка“, собственно, вовсе не пьеса. Мнѣ она представляется чѣмъ-то вродѣ „nocturno“, вылившимся изъ-подъ рукъ талантливаго композитора, переживавшаго моменты

крайнего отчаянія. А во что превращается „nocturno“, если его начать разыгрывать по всѣмъ правиламъ блестящей салонной игры? Сблужать понять это и сблужать перелазить это понимание десятку актеровъ, изъ которыхъ къ тому же добрая половина такъ неопытна и такъ мало талантлива. Это — уже задача, и разрѣшеніе ея — уже несомнѣнный побѣда.

О самой „Чайкѣ“ мнѣ не хотѣлось бы писать вовсе: пьеса напечатана давно, давно ее играютъ, мнѣніе о ней, слѣдовательно, настолько установилось, что я поневолѣ рискую остаться при особомъ мнѣніи. Нѣсколько замѣчаній, однако, необходимы, чтобы пояснить только что высказанную мысль.

Нѣтъ на свѣтѣ людей абсолютно добрыхъ, какъ нѣтъ и абсолютно злыхъ. Г. Чеховъ, конечно, это знаетъ лучше другихъ, чему яркимъ свидѣтельствомъ служатъ его полные жизненной правды рассказы. Но нѣтъ также и людей, которые только скучаютъ и только на то и годны, чтобы отравлять своей скукой другъ другу жизнь. Этой несомнѣнной истины авторъ, по крайней мѣрѣ, въ „Чайкѣ“ не признаетъ. Всѣ его герои скучаютъ, каждый болѣзненно тянетъ свою одну болѣзненную ноту, и всѣ поэтому глубоко несчастны. Талантъ автора помогъ ему выдержать до конца каждую изъ этихъ отдѣльных нотъ, но тѣмъ болѣзненнѣе конечныя впечатлѣнія... Я выше сказалъ, что пьеса напоминаетъ лирическое музыкальное произведение, созданное въ припадкѣ отчаянія. Представьте себѣ, что вся такая пьеса основана на десяткѣ отдѣльных ноющихъ нотъ, которыя переплетаются другъ съ другомъ, сталкиваются, расходятся и вновь сходятся и всегда однѣ и тѣ же, страдающія, унылыя, точно ихъ мучать невыплаканныя слезы, недосказанное горе, невысказанныя воспоминанія — съ какой мучительной болью приходятъ онѣ въ соприкосновение другъ съ другомъ, какое безотрадное впечатлѣніе оставляютъ они въ слушателя! Но вы поддаетесь обаянію таланта, и вотъ, вы и сами начинаете чувствовать, какъ живо заговорили въ васъ эти унылыя, мучительныя ноты.

Но надолго ли? Если вы живете не одними настроеніями, впечатлѣніе скоро разсѣивается, а тогда оно смѣняется уже увѣренностью, что жизнь сильнѣе созданной авторомъ искусственной атмосферы, и что человѣкъ не можетъ весь вылиться въ одной болѣзненной нотѣ.

„Чайка“ цѣликомъ построена на томъ особомъ творческомъ приѣмѣ, когда авторъ ничего не доказываетъ, даже ничего не изображаетъ, а пользуется всѣмъ — и словами, и положеніями, и всей совокупностью драматической концепціи, — чтобы навѣять на зрителя хотя бы часть той атмосферы, которой дышитъ самъ. Тѣмъ непосредственнѣе относится зритель къ такому произведенію и въ случаѣ удачи, и въ случаѣ неудачи автора. И въ этомъ, по моему, вторая причина такихъ двухъ различныхъ сужденій о пьесѣ — у васъ, въ Петербургѣ, и у насъ — въ Москвѣ. Но тѣмъ, конечно, труднѣе установить настоящее значеніе произведенія.

Когда я смотрѣлъ „Чайку“, я невольно задавалъ себѣ слѣдующій вопросъ. Да, эти люди, которые вотъ ходятъ предо мною, сидятъ, разговариваютъ, это — несомнѣнно живые люди, плоть отъ плоти нашей, кровь отъ крови нашей, носящіе въ себѣ наши добродѣтели и пороки, это — мы сами. Но почему имъ такъ больно при каждомъ движеніи? Отчего, сходясь вмѣстѣ, они начинаютъ страдать тамъ и тогда, когда и гдѣ мы, такіе же, какъ они, не страдаемъ? Вѣдь они — мы, и мы — они, что не подлежитъ со-

мнѣнію... И только въ послѣднемъ актѣ отвѣтъ сталъ ясенъ. Авторъ, беря каждого изъ насъ, съ обычными мастерствомъ приступаетъ къ точному анализу. Но снявъ съ насъ верхніе покровы и обнаживъ только нервы наши, онъ увлекся своими личными настроеніями и потому пускаетъ насъ на сцену въ томъ видѣ, въ какомъ мы лежали на его операціонномъ столѣ... Больно! Нельзя ни ходить, ни сидѣть, ни говорить спокойно! Больно дотрогнуться до себя, до всякаго, съ кѣмъ авторъ столкнулъ насъ. Физически больно! Каждое движеніе — муча!.. Тѣмъ дальше, тѣмъ боль усиливается... Чувство боли спускается въ особый міръ страданій, и зрительный залъ невольно заражается этимъ міромъ... Человѣкъ-аккордъ превращается въ человѣка-ноту, физическія страданія принимаютъ все значеніе страданій душевныхъ, то, что въ каждомъ изъ насъ только въ зародышѣ, раздвигается въ основу человѣческой жизни, но мы этого уже не видимъ, и, въ концѣ концовъ, мы тернемъ всякое представленіе о томъ,

что правда, и что только навѣяно намъ, какъ оптический обманъ, какъ внушенная идея...

Хорошо ли это, или дурно — едва ли стоитъ на такомъ вопросѣ останавливаться. Г. Чеховъ не принадлежитъ къ числу писателей, къ которымъ могла бы быть приписана подобная элементарная мѣрка. Хорошо все то, что талантливо, а „Чайка“ — произведение удивительно талантливое. Не хорошо все то, что даетъ читателю или зрителю искусственное представление о жизни, а „Чайка“ грѣшитъ въ этомъ смыслѣ отъ начала до конца. Но несомнѣнно одно: до г. Чехова ни одинъ русскій писатель не возвышался до такой художественности при передачѣ своихъ субъективныхъ настроеній, испытываемыхъ имъ при мысли о человѣкѣ и смыслѣ человѣческой жизни. Это не картины жизни, не философская система, не анализъ даже. Это именно — настроенія при извѣстномъ рядѣ мыслей. Особенность, которая, по моему, отличаетъ музыкантовъ отъ художниковъ всякаго иного рода „оружіа“.

Теперь, быть можетъ, уже понятнѣе сказанное выше объ исполненіи.

Режиссеръ слѣдуетъ придавать спектаклю тотъ особый колоритъ, который одинъ могъ служить истиннымъ фономъ для мелодіи отчаянія, вырвавшейся у А. П. Чехова. Какой именно колоритъ — точно опредѣлить трудно. Режиссеръ долженъ былъ его угадать, мы — зрители его чувствовали. Мягкіе распевающіеся полутона — какъ фонъ, и первый планъ — подернутый легкой дымкой, которая не давала ни одной краскѣ вылѣзть впередъ. Отъ начала до конца это было выдержано, и пьеса произвела тѣмъ большее впечатлѣніе.

Подходя къ вопросу ближе, скажу такъ: пьеса написана условно — она условно хороша и условно не хороша, смотря по тому, какъ кто смотритъ на человѣка, — но въ предѣлахъ условности, она художественно цѣльна. Режиссеры цѣликомъ приняли условія автора, актеры цѣликомъ приняли вѣру режиссеровъ, и создано исполненіе, которое явилось не простымъ истолкованіемъ пьесы, а ея воплощеніемъ.

Но это не мѣшало отдѣльнымъ исполнителямъ быть слабѣе общаго тона. Напримѣръ, г-жа Роксанова, игравшая Зарѣчную. Если бы такую актрису выпустили и въ менѣе отвѣтственной роли, она, вѣроятно, и тамъ была бы не на мѣстѣ. Одна сплошная гримаса: гримаса любви, гримаса отчаянія, гримаса восторга, какой-то рѣдкій по количеству запасъ гримасъ, причемъ каждая соизвождается или горловымъ выкрикомъ, или скучнымъ шопотомъ. Хороша была за то г-жа Киппнеръ въ роли матери, хотя

Софія Ментеръ.

лучше всего удается ей третій актъ. Отметимъ еще г. Мейерхольда и г. Винижевскаго. Обидно только, что почти у каждаго изъ артистовъ этой труппы замѣчается непремѣнно какой-нибудь свой акцентъ, обыкновенно только мѣшающій ему.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о послѣдней новинкѣ Малаго театра—о „Разгромѣ“ г. Гнѣдича. Пьеса идетъ вездѣ уже давно, у насъ она шла въ первый разъ на праздникахъ. Успѣха никакого. Отчасти въ этомъ виновата сама пьеса—рядъ сценокъ, паскоро спитыхъ между собой и кое-какъ приметанныхъ къ заглавію,—отчасти и разочарованіе публики, которая, увидѣвъ на афишѣ двѣнадцатый годъ и Наполеона Бонапарта, императора французъ, ждала, по меньшей мѣрѣ, Бородинской битвы. За кулисами, правда, время отъ времени гремѣли выстрѣлы, но Наполеонъ явился только на минуту и то въ послѣднемъ актѣ, а Бородинской битвы такъ до конца и не было. Хорошо играли г. Ленскій и Правдинъ—однако, и это не помогло. Вѣроятно, пьесу скоро снимутъ съ репертуара.

А хорошо пока одному только г. Коршу. Такая ли пьеса эта „Чайка“, или совсѣмъ не такая, выдвигаются ли молодцы силы „Новаго“ казеннаго театра, или не выдвигаются,—г. Коршъ ставитъ себя „Контролера спальныхъ вагоновъ“ и „Измалла“ и дѣлаетъ сборъ за сборомъ. Сегодня—патріотизмъ г. Бухарина, завтра—фарсъ до колѣкъ въ животѣ, и... и все хорошо, что хорошо кончается.

Арсеній Г.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Государь Императоръ, по всенподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 24 декабря 1898 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на присвоеніе почетнаго званія заслуженнаго профессора бывшему директору с.-петербургской консерваторіи, сверхштатному профессору 1-й степени Югансону, во вниманіе къ его долготѣлней и полезной педагогической дѣятельности и существеннымъ услугамъ музыкальному искусству.

* * *

Большая и довольная странная новость. Говорятъ, будто Е. П. Карповъ, слухи объ уходѣ котораго, кстати сказать, едва ли на чемъ нибудь основаны, намѣренъ возбудить ходатайство о введеніи разовыхъ въ Императорскихъ театрахъ. Отказываемся вѣрить этому слуху: можетъ быть, такая система удобна для режиссера, потому что всегда будутъ наготовѣ желающіе и даже алкающіе играть, но это система недостойная и ни въ одномъ серьезномъ театрѣ не допустимая.

* * *

Итоги года. Рѣчь идетъ пока о цифрахъ. Въ 1897 году общая сумма сборовъ по Александринскому театру была 280,044 р.; въ 1898 г.—299,132 р. 3 к. Въ 1897 г. Александринскій театръ давалъ на кругъ по 1,359 рублей, а Михайловскій по 710 рублей; въ 1898 году Александринскій театръ далъ 1,375 рублей, а Михайловскій—765 рублей... Mein Liebchen wass willst-du noch mehr? Въ теченіи 1898 г. удалось (это выраженіе очень недурно звучитъ въ словословіи замѣткѣ газеты) поставить 26 новыхъ пьесъ: 1 трагедію, 7 драмъ, 9 комедій или пьесъ и 9 водевилей или шутокъ. Возобновлено пьесъ, не шедшихъ болѣе 5-ти лѣтъ—12: драмъ—1, комедій—4, водевилей, шутокъ и сценъ—7. Изъ текущаго репертуара за послѣднія 5 лѣтъ возобновлено: 1 трагедія, 13 драмъ, 21 комедій, шутокъ и водевилей.

Дебютировали въ минувшемъ году г-жи Тираспольская и Шувалова. Приняты: г-жи Шувалова, Котляревская, Еленина, Горская и г. Ходотовъ. Уволены: г-жи Кованько, Миличъ, Владимірова, гг. Лирскій и Добровольскій.

Равновѣсіе между принятыми и уволенными—полное...

* * *

† К. И. Эверарди. 5-го января скончался одинъ изъ вѣстѣйшихъ артистовъ-педагоговъ—профессоръ московской консерваторіи, К. Эверарди.

Камилль-Франсуа Эвардъ (Evrard),—по сценѣ Эверарди,—родился въ Бельгіи, въ провинціи Намюръ, 15-го ноября 1825 года. Отецъ его, по профессіи фармацевтъ, принадлежалъ къ родовитой бельгійской буржуазіи.

Въ мальчикѣ рано проснулось стремленіе къ музыкальному искусству. Какъ и всякому истинному артисту, юному музыканту пришлось вынести не мало борьбы съ возрѣніями семьи на артистическую карьеру вообще. Девятинадцати лѣтъ онъ блистательно окончилъ курсъ классической гимназіи въ Динарѣ, съ первой наградой по математикѣ, и поступилъ въ горный институтъ въ Льежѣ. Въ этомъ городѣ будущій маэстро столкнулся съ профессоромъ консерваторіи Дюеномъ, который былъ восхищенъ могучимъ голосомъ юноши и опредѣлилъ его въ консерваторію.

Черезъ два года Эверарди переселился въ Парижъ. Тогдашній директоръ Парижской консерваторіи Оберъ хлопоталъ Эварду, записавшемуся въ то же время, по настоянію отца, на медицинскій факультетъ университета, стипендію французскаго правительства, что было однимъ изъ рѣдкихъ исключеній для иностранца. Тутъ начался занятіи у Поншара, Куна, Габенка и знаменитаго Гарсія. Мѣсячѣмъ черезъ годъ Эварду было предложено идти на выпускномъ конкурсѣ Парижской консерваторіи, и онъ вышелъ изъ конкурса обладателемъ первой преміи консерваторіи. Этотъ успѣхъ былъ крупнымъ шагомъ въ жизни артиста: онъ прекратилъ его занятія въ университетѣ, вернулъ ему расположеніе отца, и наконецъ, поднялъ его энергію къ дальнѣйшимъ занятіямъ.

Несмотря на предложенные ему ангажементы, Эвардъ мечталъ о дебютахъ въ Италіи, куда вскорѣ и отправился. Съ этого времени мѣняется его фамилія на италіанскій ладъ, и начинается блестящая сценическая карьера Эверарди. Съ 1849 по 1857 годъ Римъ, Неаполь, Туринъ, Вѣна, Парижъ, Лондонъ восхищаются талантливымъ артистомъ, и имъ его растетъ въ музыкальномъ мірѣ.

Въ 1857 году Эверарди получилъ ангажементъ въ италіанскую оперу въ Петербургѣ. Сначала онъ пѣлъ вторыя партіи, но потомъ скоро занялъ первенствующее мѣсто среди своихъ сотоварищей. До 1868 года артистъ пѣлъ зимній сезонъ въ Петербургѣ и песенный въ Вѣнѣ. Петербургская карьера Эверарди представляетъ рядъ триумфовъ. За время службы артистъ выступалъ въ огромномъ количествѣ отвѣтственныхъ партій; ему, между прочимъ, принадлежатъ честь созданія въ Россіи партіи Мефистофеля въ „Фаустѣ“ Гуно. Въ 1868 году антреприза италіанской оперы въ Петербургѣ переняла въ частныя руки, и Эверарди покинулъ Петербургъ, поднимая блестящій ангажементъ въ Мадридѣ и Кадицѣ. Черезъ два года, однако, онъ снова былъ приглашенъ упр. консерват. Азанчевскимъ, по инициативѣ Великой Княгини Елены Павловны, въ Петербургъ профессоромъ консерваторіи. Вмѣстѣ съ этой дѣятельностью Эверарди соединилъ опять

† Камилль Эверарди.

и сцену, которую окончательно оставилъ для педагогическихъ занятій только въ 1875 году.

Профессоромъ петербургской консерваторіи Эверарди состоялъ до 1888 года, когда по разнымъ причинамъ предпочелъ принять профессору въ Кіевѣ, въ музыкальномъ училищѣ мѣстнаго отдѣленія Императорскаго Музыкальнаго Общества; тамъ онъ пробылъ вплоть до 1898 года, а съ января былъ приглашенъ профессоромъ въ московскую консерваторію.

Среди его учениковъ назовемъ Стравинскаго, Тартакова, Павловскую, Павловскаго, Махину, Усатова, Мичина, Любина, Юневичъ, Зарудную, Матчинскаго, проф. Габеля, Самуся, Аленикова, Лодія, Супруненко, Звягина, Кутузову, Славину, Дешину-Сюницкую, Зиничевскую, Будкевичъ, Силину, Майбороду, Донскаго, Трезвинскаго и другихъ. Этого далеко не полного перечня достаточно, чтобы показать значеніе покойнаго для русскаго музыкальнаго образованія.

Эверарди производилъ на всѣхъ встрѣчавшихся съ нимъ очень симпатичное впечатлѣніе. Всесторонне развитой и образованный живой человѣкъ, артистъ до мозга костей, всегда веселый, добродушный и остроумный, онъ отличался человѣчнымъ отношеніемъ ко всѣмъ, неутомимою энергіей и горячностью къ дѣлу. Его имя будетъ памятно всѣмъ, кто зналъ его, больше же всего тѣмъ, кто подъ его руководствомъ вступилъ на артистическое поприще.

* * *

† Н. П. Роцинъ-Инсаровъ. Номеръ нашъ ужъ былъ заключеиъ и составленъ, когда изъ Кіева пришла телеграмма о сгравшій драмѣ въ „Петербургской гостиницѣ“. Мужъ А. А. Пасхаловой, архитекторъ Маловъ, убилъ выстрѣломъ изъ револьвера одного изъ лучшихъ русскихъ артистовъ, Роцинъ-Инсарова, имя котораго извѣстно всей театальной Россіи. Нашимъ читателямъ нѣтъ надобности пояснять, какое крупное дарованіе сошло столь трагически въ могилу. Роцинъ-Инсаровъ былъ артистъ большого таланта: въ этомъ вся его индивидуальность, вся его школа. Его школа—былъ онъ самъ, съ простотой доведенной до грации, съ огонькомъ, который, вспыхивая гдѣ-то глубоко, внутри его, освѣщала и согрѣвала его сценическія рѣчи. Какъ актеръ на роли фатовъ, Роцинъ-Инсаровъ былъ неподражаемъ, и только одинъ Далматовъ могъ съ нимъ конкурировать. Но фаты Далматова и фаты покойнаго Роцинъ-Инсарова были совсѣмъ разные: фаты г. Далматова—это люди, страдающіе раздраженіемъ плѣнной мысли, люди наружнаго блеска, скептицизма и тонкой прои; фаты покойнаго Роцинъ были того же разряда, что донъ-жуаны Байрона. Въ нихъ была страсть, правда, легкая, моментальная, вспыхивающая, какъ зарница, бравшая дѣлую жизнь; дарившая однимъ днями, но все-таки увлекательная и на минуту искренняя и безавѣтная. Отъ того Роцинъ былъ такъ хорошъ въ Атаинѣ. А какой это былъ Глумовъ! И вообще, какой это былъ хорошій, и по нынѣшнимъ временамъ рѣдкій актеръ!..

Роцинъ-Инсаровъ, по рожденію, принадлежалъ къ хорошей дворянской фамиліи, состоялъ раньше въ гусарахъ, много и долго игралъ въ любительскихъ спектакляхъ, а потомъ посвятилъ себя сценѣ. Дальнѣйшая карьера покойнаго всѣмъ хорошо извѣстна: театръ Корша, и всѣ, болѣе или менѣе извѣстныя сцены—такова была арена покойнаго. Игралъ онъ и въ Петербургѣ, въ „Озеркахъ“, кажется лѣтомъ 1889 г.

Въ Москвѣ у покойнаго осталась жена и дочь, пользовавшіяся его матеріальной поддержкой: Покойному было лѣтъ 40 съ небольшимъ.

Заканчивая нашу небольшую замѣтку о мертвомъ, скажемъ нѣсколько словъ о живыхъ, хотя бы о тѣхъ маленькихъ дѣтихъ, которыхъ оставилъ убійца. Не вдаемся до поры до времени въ оцѣнку мотивовъ убійства. Петербургскимъ театральнымъ кружкомъ еще хорошо памятенъ закулисный волненія Малаго театра, сезона 1885—96 г., когда А. А. Пасхалова, случалось, являлась въ театръ не иначе, какъ подъ спеціальнымъ конвоемъ, охранявшимъ ее отъ возможныхъ инцидентовъ. А между тѣмъ не было, въ спокойномъ состояніи, болѣе милого, честнаго и обходительнаго человѣка, какъ г. Маловъ, пока имъ не овладѣвали періоды безумныхъ вспышекъ...

Жестокая, безпощадная драма...

* * *

Опера М. М. Иванова „Забава Путятишна“ имѣла на сценѣ Московскаго Нового театра весь ма изрядный успѣхъ. Авторы стали вызывать послѣ перваго акта и поднесли нѣсколько вѣнковъ, въ томъ числѣ „отъ друзей петербургской прессы“. Но если въ петербургской прессѣ у М. М. Иванова много друзей, то въ московской—вѣроятно,

не мало враговъ. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, музыкальный критикъ „Нов. Дня“.

Опера „Забава Путятишна“ М. М. Иванова, поставленная на сценѣ Нового театра, является новымъ доказательствомъ поверхностнаго и фальшиваго отношенія казенной оперной сцены къ задачамъ русскаго искусства. „Забава Путятишна“ г. Иванова есть, на нашъ взглядъ, сочиненіе лишенное всякаго серьезнаго художественнаго значенія и написанное лишь въ расчетѣ на внѣшнія сценическія условія и въ угоду разнобразнымъ вкусамъ средняго разряда театальной публики. И далѣе:

„Забава Путятишна“ относится къ настоящей оперѣ-былинѣ такъ же, какъ современная загородная дача къ древнему терему, или какъ либретто г. Буренина къ самой былинѣ.

Музыка г. Иванова... Что сказать объ ней? Это такая же смѣсь направлений и стилей. Здѣсь есть кое-что, напоминающее фабричныя пѣсни и интернациональные хоры, есть и заимствованія у Чайковскаго, Бородина, Римскаго-Корсакова, Мейербергъ, Масканы и другихъ.

Есть и ариозный рецитативъ послѣдней формации, но необыкновенно отрывочный и мѣстами удивительно натянутый, въ смыслѣ декламации. Есть и попытки къ инструментальной характеристикѣ; такъ, напримѣръ, пѣніе Ильи Муромца сопровождается тяжелой и неуклюжей фигурой въ контрабасахъ, но всѣ эти попытки, а въ особенности комическое тріо по словъ-монголовъ граничатъ съ приемами опереточными.

Наконецъ, въ заключеніе, критикъ, не безъ ядовитой прои, замѣчаетъ:

Мы охотно уступили бы честь постановки оперы Петербургу, который, судя по выраженному количеству поднесенныхъ имъ автору вѣнковъ сочувствію, способенъ выше оцѣнить заслугу автора, нежели мы москвичи.

* * *

Театральное общество устроило 2 января блестящій литературно-музыкальный вечеръ въ залѣ Дворнскаго Собранія. Вечеръ удался во всѣхъ отношеніяхъ. Программа пестрѣла именами артистовъ Императорскихъ театровъ, такъ рѣдко появляющихся въ послѣднее время на эстрадѣ. Неудивительно, конечно, что публики собралось множество: сидѣли, гдѣ только было возможно и стояли, гдѣ даже не было возможности. Концертъ начался въ началѣ девятаго часа и кончился къ часу ночи: публику, положительно, „запѣли“ и „занятали“. Изъ оперныхъ артистовъ выступили: г-жи Фигнеръ, Мравина, Куза, Каменская, Михайлова, Козаковская, гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Тартаковъ, Стравинскій, Серебряковъ, Майборода, такъ сказать—„цвѣтъ“ Мариинскаго театра. Г. Фигнеръ, по обыкновенію, блеснулъ выразительной фразировкой, г. Тартаковъ—преlestными нюансами, г. Серебряковъ—мощнымъ голосомъ, г. Стравинскій—художественной передачей, г-жи Мравина и Михайлова—изящной колоратурой, г-жа Каменская—музыкальностью отдѣлки, г-жи Куза и Козаковская—красивыми голосами... Большой успѣхъ выпалъ на долю г-жи Чарлоне, исполнившей нѣсколько нумеровъ на арфѣ. Представителями Александринской труппы были г-жи Савина, Комиссаржевская, Потоцкая, гг. Давыдовъ, Варламовъ и Дальскій. Чрезвычайно понравилось драматическое тріо: г-жа Савина, Варламовъ и Давыдовъ, прочитавшіе сцену „Чичиковъ у Ветрищева“. Г-жи Савина, Потоцкая и г. Дальскій читали отдѣльно. Въ нѣкоторомъ родѣ „поучаеиъ“ вечера, вызвавшее шумные аплодисменты, было чтеніе г-жи Комиссаржевской стиховъ Апухтина подъ аккомпаниментъ арфы г-жи Чарлоне. Сборъ съ концерта громадный; говорятъ около шести тысячъ. Мы рады этому успѣху Общества и думаемъ, что подобные концерты могли бы устраиваться нѣсколько разъ въ годъ. Участіе „казенныхъ“ артистовъ въ концертахъ, какъ извѣстно, возбраняется. На этотъ разъ, однако, разрѣшеніе было получено и надо полагать, что и впредь, въ немъ отказа не будетъ. У насъ нѣтъ особаго „мнѣнстерства искусствъ“. Судьбу актерской братіи вѣдаетъ только „Театральное Общество“. Дѣло настолько важное и насущное, что нельзя сомнѣваться въ сочувствіи тѣхъ, чье сочувствіе такъ много можетъ значить.

Гр. В.—ій.

* * *

Выяснились слѣдующіе бенефисы: М. Г. Савина возобновляетъ „Невольницъ“ Островскаго, М. И. Писаревъ, вмѣсто „Возчика Геншеля“, по разнымъ причинамъ, ставитъ опять Островскаго, „Сердце не камень“; наконецъ, г-жа Комиссаржевская возобновляетъ „Таланты и поклонники“. Выходитъ бенефисъ Островскаго...

Отмѣтимъ еще 26 января представленіе „Женитьбы Бѣлугина“, въ пользу семейства покойнаго Н. Я. Соловьева, съ прежнимъ и, можно сказать, славнымъ составомъ исполнителей.

* * *

„За честь отца“. (Мелодрама).

Василеостровскій театр.

Въ театрѣ, имени котораго мы не желаемъ называть, какимъ-то чудомъ попала пьеса совсѣмъ иного характера, по справедливости достойная быть отмѣченной. Это — «Графъ ди-Спандола», комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ изъ средне-вѣковой жизни. Написана она въ стилѣ италіанскихъ «легкихъ» комедій XVIII вѣка, и представляетъ много интереснаго и оригинальнаго, какъ по основному сюжету, такъ и по развитію его. Тема «Графа ди-Спандола» является какъ бы продолженіемъ темы мольтеровскаго «Мнимаго Больного». Графъ въ своей мнительности дошелъ до того, что не только считаетъ себя неизлечимо больнымъ, но въ концѣ концовъ думаетъ даже, что онъ уже умеръ. На этой канвѣ написанъ рядъ игривыхъ и веселыхъ сценочекъ. Въ пьесѣ много характернаго, средне-вѣковаго, представляющаго вначительный внѣшний интересъ. Такъ въ первомъ дѣйствіи мы видимъ точное воспроизведеніе средне-вѣковаго подіума, на которомъ труппа комедіантовъ разыгрываетъ «комедію о храбромъ рыцарѣ Пирамѣ и прелестной дѣвицѣ Тизбѣ», въ третьемъ дѣйствіи — сцена испытанія супружеской вѣрности каленымъ желѣзомъ и т. д.

* * *

Новые подвиги Московскаго Литературно-театральнаго комитета! Забракованы новая пьеса г. Тимковскаго «Преступленіе» и «Девятый валъ» г-жи Смирновой. Одобрена, вѣроятно, г-жа Воскресенская или Вознесенская.

И кому это могла придти въ голову такая несчастная мысль: посадить въ Литературно-театральный комитетъ профессоровъ? Профессора лекціи читаютъ и наукамъ обучаютъ...

* * *

Юбилейный спектакль въ честь Н. Н. Синельникова, состоявшійся 24 января, былъ, какъ видно изъ присланной намъ программы, составленъ очень разнообразно и содержательно. Даны были: 4-й актъ «Доходнаго мѣста», «Разговоръ двухъ дамъ» (сцена изъ «Мертвыхъ душъ»), «Школьная пара», «Мертвая душа» (4-ая сцена) и наконецъ «Ревизоръ» (3-й актъ). Самъ юбиляръ игралъ гимназиста Степу, Мижуева и Хлестякова.

* * *

Заграничное турнѣ г-жи Савиной можно считать вполне обезпеченнымъ. М. Г. Савина получила приглашеніе отъ весьма значительныхъ и вліятельныхъ въ театральномъ мірѣ берлинскихъ сценическихъ дѣятелей. Маршрутъ такой: 10 спектаклей въ Одессѣ, отсюда въ Берлинъ («Lesing Theater») 7 спектаклей, Прага 3—5 спектаклей, и затѣмъ либо Вѣна и Буда-Пештъ, либо Дрезденъ. Въ составъ труппы входятъ гг. Горевъ, Аполлонскій, Долиновъ, Юрєвъ, Озаровскій, Осокинъ, г-жа Стравинская и мн. др. Репертуаръ еще не вполне установленъ: вѣроятно, «Отчій

домъ», «Фру-Фру», быть можетъ «Татьяна Рѣпина». Трудность заключается въ необходимости играть знакомыя пьесы на незнакомомъ языкѣ.

Во всякомъ случаѣ, это знаменательное событіе въ исторіи русскаго театра.

* * *

Въ Василеостровскомъ театрѣ капитальной пьесой, или какъ принято выражаться, «гвоздемъ» сезона оказывается мелодрама «За честь отца», переводъ съ французскаго В. Незнамова. Мелодрама, если судить разумѣется, не выше мелодрамы, захватываетъ вниманіе зрителей съ перваго же акта: несчастное совпаденіе обстоятельствъ заставляетъ идти на каторгу человѣка, обвиняемаго въ убійствѣ, имъ не совершенномъ. Честь этого несчастнаго, въ концѣ концовъ, восстанавливаетъ его сынъ; какимъ образомъ — мы не будемъ передавать подробно: мелодрама слишкомъ сложна, и въ этомъ для мелодрамы, ея достоинство.

«За честь отца» состоитъ изъ 6-ти картинъ и пролога. Въ Василеостровскомъ театрѣ эта пьеса поставлена прекрасно для нея написаны новыя декорации, сшиты костюмы, сдѣлана специальная бутафорія. «За честь отца» имѣетъ въ нынѣшнемъ сезонѣ такой же успѣхъ, какой въ прошломъ имѣли «Дѣти улицы». Дирекція Василеостровскаго театра даетъ эту пьесу каждый четвергъ. Успѣхомъ въ этой пьесѣ пользуется г-жа Недвѣцкая, гг. Лирскій-Муратовъ и Мартыновъ.

* * *

Для пятаго очереднаго спектакля Драматическій Кружокъ поставилъ драму «Самородокъ». Исполненіе нельзя назвать особенно удачнымъ. Ставить «Самородокъ» можно только при соответственныхъ силахъ, а на этотъ разъ, къ сожалѣнію, ихъ не оказалось.

Роль Агафьи Петровны исполняла г-жа Отрадина. Въ Агафѣ Петровнѣ основная черта — это обаяніе, которое она производитъ на всѣхъ, отъ мала до великаго. Агафья Петровна та же «Маіорша». Въ ней и женственность, и чары молодости, и красота рѣшимости. Г-жа Отрадина свободнѣе другихъ держитъ себя на подмосткахъ и отчетливѣе говорить; за то мало искренности и полное отсутствіе женскаго обаянія. Недуренъ былъ г. Муравьевъ въ роли Обертышева. Слѣдовало бы только разнообразить тонъ и модуляцію голоса.

За «Самородкомъ» ставили изящную пьесу «Подъ душою вѣткой сирени». Елену играла г-жа Стѣрова, какъ говорятъ, новая артистка Кружка и произвела очень выгодное впечатлѣніе искреннимъ и сердечнымъ тономъ. Думаемъ, что въ ея лицѣ Кружокъ приобрѣлъ хорошую ingénue comique.

Гр. В.

* * *

Н. Н. Синельниковъ подалъ заявленіе въ таганрогскую управу о желаніи его взять таганрогскій театръ на предстоящій сезонъ. Театральная коммисія, рассмотрѣвъ предложеніе г. Синельникова и другихъ антрепренеровъ, въ принципѣ избрала г. Синельникова, но постановила обратиться въ городскую думу съ просьбой разрѣшить перестройку театра возможно скорѣе и затѣмъ сдать его въ аренду за 2000 руб. Коммисія полагаетъ, что при увеличеніи мѣстъ въ театрѣ г. Синельниковъ найдетъ возможнымъ платить городу 2 тыс. руб. Деньги же эти необходимы на уплату процентовъ и погашенія долга въ 2000 руб., необходимыхъ для перестройки театра.

* *

Саратовскія газеты передаютъ о пожарѣ «Центральной Гостиницы» въ ночь на 30 декабря, едва не стоившей жертвъ опернымъ артистамъ, жившимъ въ этихъ номерахъ. Загорѣлось подъ лѣстницей, гдѣ помѣщались ламповщикъ и швейцаръ и кромѣ того находился складъ различныхъ ненужныхъ вещей и платья. Всѣ въ гостиницѣ спали глубокимъ сномъ. Сильный дымъ быстро наполнилъ коридоры второго и третьяго этажей и проникъ въ номера. Испуганные обитатели гостиницы бросились выбивать окна. Нѣкоторые стали выпрыгивать на мостовую. Въ числѣ ихъ былъ артистъ Виноградовъ (баритонъ), который получилъ сильные ушибы рукъ и ногъ; говорятъ, что онъ отдѣлся такъ благополучно оттого, что упалъ не прямо на землю, а на другого человѣка, которому переломилъ руку. Артистъ Тарасовъ (басъ), пробужденный дымомъ, бросился съ женой и сыномъ по коридору, но сильный дымъ заставилъ ихъ вернуться назадъ, и тогда г. Тарасовъ выбилъ стекла. Онъ собирался выпрыгнуть изъ окна, но тутъ, къ счастью успѣли подставить лѣстницу. Г. Тарасовъ поранилъ только руку о стекло. Поврежденіе уха получилъ его маленькій сынъ. Многие артисты и артистки въ этомъ бѣдѣ были спущены изъ оконъ по простынямъ. Пожаръ былъ скорѣ потушенъ.

* *

М. Ф. Кшесинская занемогла: у нея болитъ нога, что заставить, вѣроятно, артистку отдохнуть нѣкоторое время.

* *

Премія имени Грильпарцера 2,400 гульденовъ, присуждена Гауптману за его пьесу «Возчикъ Геншель».

* *

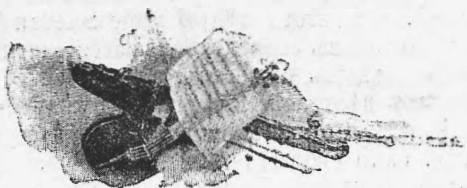
24 декабря, по инициативѣ М. Г. Савиной, въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ артистовъ, былъ устроенъ литературно-музыкальный вечеръ, въ которомъ приняли участіе многіе Императорскіе артисты. Призрѣваемые были въ восторгѣ.

* *

Мы получили слѣдующую замѣтку:

«Мнѣ бы хотѣлось указать на нѣкоторую неточность въ постановкѣ «Царя Бориса». Сцена у разбойниковъ поставлена такъ, какъ будто дѣло происходитъ лѣтомъ. Кругомъ лѣтній пейзажъ, легкая одежда. На самомъ же дѣлѣ, время дѣйствія по пьесѣ, зимнее. Съ исторической точки зрѣнія, эта сцена является совершеннымъ анахронизмомъ, ибо Хлопка Косолапъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ еще до появленія Самозванца. Но не въ этомъ сейчасъ вопросъ. По пьесѣ Самозванецъ уже появился на Руси. Появленіе же Самозванца въ русскихъ предѣлахъ состоялось въ октябрѣ. Точно также и показанія Шуйскаго народу на Красной площади по пьесѣ надо отнести скорѣе къ зимѣ; во всякомъ случаѣ ранѣе самой ранней весны сцена не могла происходить, такъ какъ всѣ событія, отъ вторженія Самозванца до смерти Бориса, охватываютъ время отъ октября до апрѣля. Такимъ образомъ эту сцену правильнѣе было бы измѣнить; не въ лѣтнихъ костюмахъ, а въ шубахъ долженъ быть на сценѣ народъ. Это мелочи, пожалуй, но вѣдь о сотняхъ другихъ мелочей считали же нужнымъ подумать. И о костюмахъ, и объ обстановкѣ. Хотя для публики такая тонкая историческая точность всетаки остается непонятою и неощущенною, а подобныя крупныя несуразности въ постановкѣ бросаются въ глаза».

Ю.

Г-нъ Падеревскій.

ЗАМѢТКИ.

Мнѣ что-то давно хотѣлось сказать по поводу крайне интересныхъ и содержательныхъ статей Ю. Э. Озаровскаго „О драматическомъ образованіи въ Россіи“... Что именно?.. Ахъ, да! Да вотъ по поводу того, что какъ ни тщательно составленъ курсъ наукъ по предложеннымъ авторомъ программамъ, все же въ немъ есть существенный пробѣлъ. Не упомянуто о двухъ научныхъ дисциплинахъ, безъ которыхъ сценической дѣятель, будь онъ хотя семи пядей во лбу, далеко не уйдетъ. А между тѣмъ, если эти дисциплины изучены, то можно обойтись безъ всякихъ другихъ наукъ и даже совершенно безъ всякаго таланта.

Эти дисциплины суть: наука сценическаго нахальства, во-первыхъ, и искусство саморекламированья, во-вторыхъ.

И подобно всѣмъ прочимъ наукамъ, о которыхъ такъ подробно и обстоятельно говорилъ г. Озаровскій, — изученіе нужно начинать уже на первомъ курсѣ. Первый годъ — теоретическій курсъ простого сценическаго нахальства; второй — теоретическій курсъ сложнаго сценическаго нахальства; наконецъ, третій годъ — практическія упражненія по сценическому нахальству и краткія жизнеописанія знаменитыхъ сценическихъ нахаловъ.

То же самое или даже еще въ большей мѣрѣ относительно искусства саморекламированья. Годъ первый — реклама простая, газетная, презрѣнная; годъ второй — реклама благотворительная: а) устройство благотворительныхъ спектаклей, съ бесплатными по этимъ публикаціямъ въ газетахъ и съ боль-

шими буквами для фамилии рекламируемого, б) общеніе съ учащейся молодежью и в) живыя картины. Наконецъ, годъ третій („*omnis universitas*“) — спектакли благотворительно-литературные: а) спектакли въ память Пушкина, б) въ память Щербины, в) въ честь интервьюеровъ и отдѣла защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія, г) съ французскими стихами, фиміамомъ и корицею. И затѣмъ уже разныя практическія упражненія, въ самыхъ произвольныхъ комбинаціяхъ, какъ и полагается при экзаменаціонныхъ заданіяхъ.

До какой степени потребность въ этихъ наукахъ ощутительна для сценическаго дѣятеля — едва ли нужно доказывать. Я это ясно вижу по той стремительности, съ которою нныя представительницы сцены снѣшаютъ другъ друга перещеголяя въ смыслѣ благотворительности. Едва одна успѣла сыграть въ залѣ Кононова въ пользу безпріютныхъ сиротъ охтенскихъ молочницъ „Надо разводиться“, какъ другая въ залѣ Благороднаго собранія играетъ въ пользу физической обсерваторіи „Даму съ камеліями“, а третья, уже въ залѣ Павловой, хотя сама не играетъ, но стоитъ за кулисами, и при вспышкахъ магніа, приговариваетъ: „живѣе! живѣе!“ за что и носитъ съ достоинствомъ почетный титулъ устроительницы. Ра-

зумѣется, все это ничто въ сравненіи, напримѣръ, съ тѣмъ, ежели взять сразу, широкимъ взмахомъ, всю хрестоматію Галахова и устроить циклъ благотворительно-литературно-хрестоматическихъ вечеровъ, соответственно одобренной ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія программѣ. Ну, да вѣдь, и то сказать, это задача титаническая, и я ее не смѣю рекомендовать хрупкимъ носительницамъ благотворительныхъ идеаловъ.

Во всякомъ случаѣ, систематизація всѣхъ свѣдѣній по этимъ вопросамъ является настоятельною необходимостью. Самъ я этому мало обученъ, но знаю, что многія, отъ неумѣнія обращаться съ этими предметами, очень страдаютъ. Недавно еще одна молодая артистка пришла въ редакцію совѣтоваться насчетъ того, какъ ей устроить благотворительный спектакль, и въ пользу кого именно.

— Хочу, говорить, въ пользу бѣдныхъ 4-го участка Рождественской части...

— Что жъ, хотя бы и четвертаго участка... Но позвольте, почему же именно 4-го участка?

— Ахъ, Боже мой, какъ вы ничего не понимаете! Да вѣдь первые три уже разобраны... Какъ только выходятъ репертуаръ благотворительныхъ обществъ, такъ сейчасъ, знаете, какъ въ центральной кассѣ записи — „нѣтъ“, „поздно“... Только и осталось, что вотъ 4 участокъ Рождественской части и еще глухія на лѣвое ухо...

— На лѣвое? А на правое?

— На правое! Да вѣдь вамъ говорятъ, что разобрано! Глухихъ на правое ухо взяла Пенелопа Ивановна...

И она ушла; черезъ часа два — звонокъ. Та же артистка.

— Нѣтъ, я просто въ отчаяніи! Представьте, ни 4-го участка Рождественской части, ни глухихъ на лѣвое ухо...

— Неужели, опять Пенелопа Ивановна?

— Она! Что вамъ, говорить, за охота дѣлать уши? Въ оба уха, говорить, больше очистится...

— Ну, а 4 участокъ?

— Слилисъ съ гимназистами приготовительнаго класса Ларинской гимназіи... Что дѣлать — ума не приложу! Всѣ устраиваютъ, играютъ, на носу бенефисъ... А ты тутъ сиди за печкой!

И она даже заплакала. Слезы такъ и капали — искреннія, горячія, хотя, разумѣется, женскія. Я былъ до того разстроенъ этимъ печальнымъ зрѣлищемъ, что тутъ же присѣлъ къ письменному столу и написалъ цѣлую докладную записку въ Театральное Общество. Я обращался къ почтенному предсѣдателю и всѣмъ уважаемымъ членамъ комитета съ просьбою не оставить вниманіемъ нравственныя страданія тѣхъ бѣдныхъ сценическихъ дѣятелей, которые, понимая подобно другимъ, все значеніе благотворительной рекламы, не знаютъ, однако, какъ приняться за дѣло, доходить, въ поискахъ великодушія, до бѣдныхъ 4 участка Рождественской части, и все-таки остаются ни съ чѣмъ. Затѣмъ, кончившись въ нѣсколькихъ словахъ дѣятельности вновь открытаго Бюро (Невскій, 44), я рекомендовалъ, къ числу прочихъ его занятій, отнестись также устройство, въ пользу желающихъ рекламы сценическихъ дѣятелей, благотворительныхъ вечеровъ и спектаклей. Съ этою цѣлью учреждается особый столъ, въ которомъ сосредоточиваются списки всѣхъ благотворительныхъ обществъ, а также списки всѣхъ сценическихъ дѣятелей, имѣющихъ нужду благотворительствовать. Соглашенія идутъ черезъ бюро, удерживающее, само собою разумѣется, извѣстный коммисіонный процентъ. Наконецъ, для тѣхъ сценическихъ дѣятелей, которымъ даже и при посредствѣ

Какъ вдохновляются нынѣшніе музыканты.
(„*Jugend*“).

Бюро не удалось устроить ни благотворительнаго, ни литературнаго историческаго вечера, дается въ концѣ года общій бенефисъ благотворительно-утѣшительный. „Такимъ, путемъ, писалъ я,—лучш рекламы, въ которыхъ нынѣ купаются наиболѣе прыткіе представители сцены, будутъ распределены равномерно, и популярность артиста будетъ зависѣть не только отъ числа находящихся съ нимъ въ случайныхъ сношеніяхъ благотворительныхъ учреждений, но и отъ иныхъ, болѣе основательныхъ и вѣснихъ причинъ“.

Затѣмъ я намекнулъ, что это не болѣе, какъ одна часть задачи, и едва ли самая обширная и серьезная; что потребности нынѣшней рекламы велики и значительны; и что въ высшей степени неблагоприятно оставлять поле рекламы совершенно свободнымъ и частымъ для тѣхъ, кто искушенъ въ разныхъ видахъ саморекламираванія и развязности, между тѣмъ какъ остальные вполне беззащитны. Ибо, такимъ путемъ создается подборъ бездарностей. Бездарность должна погибнуть, если она борется съ талантомъ. Но если на помощь бездарности выступаютъ разныя вспомогательныя средства; если свободѣ критическаго сужденія публики, неблагоприятной для бездарности, противопоставляется гипнотическое внушеніе рекламы; если непосредственность и живость впечатлѣнія замѣняется ходячимъ понятіемъ извѣстности и популярности, — то бездарность можетъ не только жить, процвѣтать и пользоваться всѣми присвоенными извѣстности преимуществами, но и одолевать, въ смыслѣ конкуренціи, талантливыхъ людей. Естественный подборъ выживающихъ талантовъ и вымирающихъ бездарностей—этотъ основной законъ прогресса — получаетъ такое сильное противодействие, что можетъ, какъ разъ наоборотъ, привести къ вымиранію талантовъ и преумноженію бездарностей. Прирожденная бездарность, благодаря шарлатанству, сценическому нахальству и благотворительнымъ спектаклямъ, въ состояніи затереть талантливаго, но робкаго и скромнаго человека, и если такъ будетъ продолжаться, восклицалъ я въ заключеніе своего посланія русскому театральному обществу, — „то Волга-матушка можетъ вспять обратиться“!

Посланіе, однако, такъ и осталось у меня на столѣ неотправленнымъ, и если какое нибудь театральное агентство откроетъ у себя окончательную распродажу литературныхъ именъ и участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ для благотворительныхъ вечеровъ, то, смѣю завѣрить, что это будетъ по ихъ собственному почину. Я отказался отъ своего намѣренія. Мнѣ вдругъ стало жалъ бѣдныхъ мучениковъ театральной рекламы, съ ихъ безпокойными взорами, искательными глазами, съ этой вѣчной тревогой въ сердцѣ, что ихъ обскачетъ кто нибудь другой на самой усовершенствованной рекламѣ, съ пневматическими шинами, и лишнимъ вечеромъ, лишнею замяткую въ газетѣ, побьетъ ихъ благотворительный

„Царь Θεодоръ“.

Г-нъ Москвинъ въ роли царя Θεодора.

рекордъ и оставить ихъ за флагомъ. Потому что нѣтъ ужаснѣе—такъ начинаетъ казаться мнѣ — сознанія, что жизнь есть борьба арифметическихъ величинъ, и что нужно все время опасаться за нарушение равновѣсія. Потому что въ талантливомъ человѣкѣ есть спокойствіе самоувѣренности, есть лѣнь, отдыхъ, досугъ творческой беззаботности, та грація и легкость, которыя превращаютъ самый трудъ въ источникъ наслажденія. Тогда какъ эти бѣдные, снѣдаемые завистью, дрожащіе за свое существованіе, сознающіе свое ничтожество, обреченные, подобно вѣчному жиду, всю жизнь влачить съ собою грузъ своихъ страховъ и сомнѣній; эти несчастные, которымъ нужно кричать о себѣ, потому что иначе всѣ къ нимъ будутъ глухи, которымъ нужно безпрестанно напоминать о себѣ, потому что ихъ естественный удѣлъ—забвеніе,—эти люди, право, внушаютъ скорѣе жалость, смѣшанную съ чувствомъ глубокаго презрѣнія!..

Homo novus.

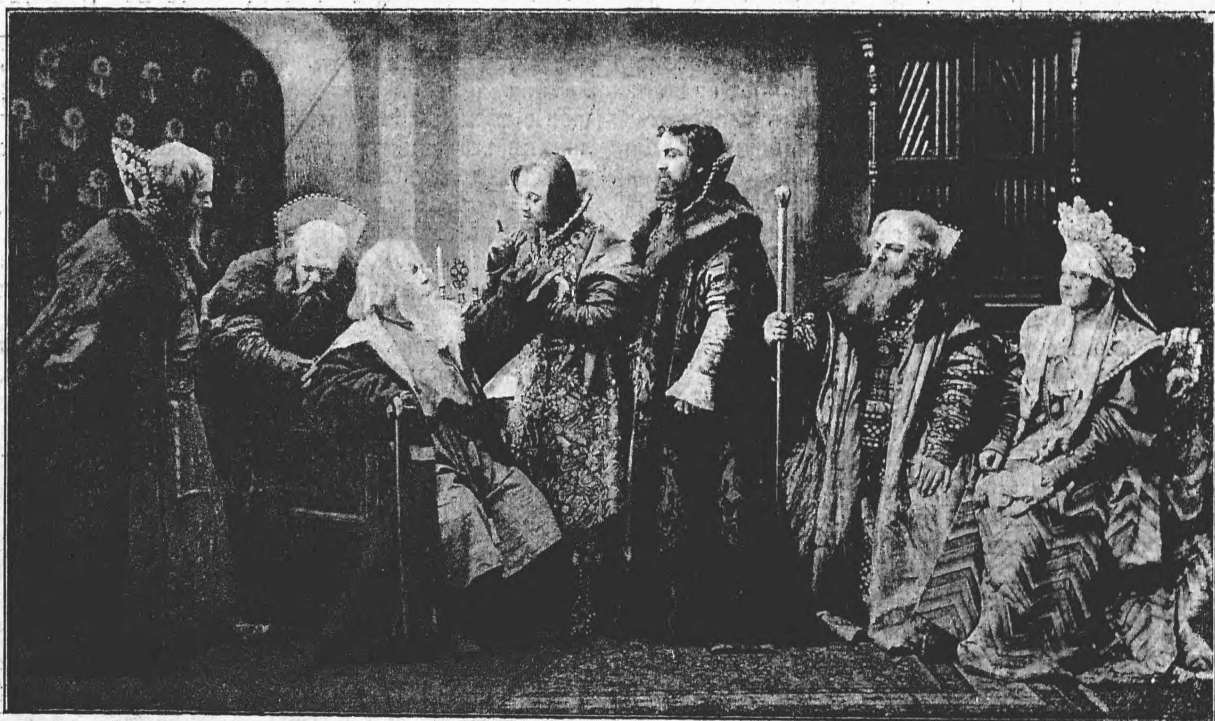
Мой неудавшийся дебют *).

Но возвращаясь къ своей тайнѣ, которую теперь могу ужъ смѣло рассказать—ни дѣдушка, ни бабушка ее не услышатъ... Итакъ, это случилось въ одинъ прекрасный морозный день, когда я случайно возвращалась изъ гимназіи одна: мои подруги меня не подождали, а я, наслаждаясь хорошей погодой, и не торопилась. Поэтому я остановилась у столба съ афишами и стала ихъ просматривать. Для чего я это дѣлала—я не знаю, такъ какъ въ театрѣ я не бывала никогда: для дѣдушки собраться въ театръ было бы подвигомъ, равносильнымъ взятію штурмомъ Карса, а бабушка никогда его одного дома не оставляла; поэтому театръ представлялся мнѣ чѣмъ-то вродѣ рая Магомета, достижимаго лишь въ будущей жизни. Тѣмъ не менѣе подруги передавали мнѣ свои впечатлѣнія и даже теперь, глядя на афишу, я съ удовольствіемъ прочла фамилію, отпечатанную жирнымъ шрифтомъ „Арскій“! Я знала, что Арскій въ нѣкоторомъ родѣ знаменитость, что онъ гастролируетъ въ нашемъ городѣ и что всѣ мои подруги поголовно, кто только его видѣлъ—влюблены въ него... Я даже знала, отчасти, его манеру игры, потому что Надя Мартенсъ всегда передавала мнѣ пьесы въ лицахъ. Я, напри- мѣръ, отлично знала, какъ онъ говоритъ: „О небо! О люди! Вамъ ли судить меня?“ И какъ онъ при этомъ подымаетъ свою правую руку и грозитъ ею въ пространство... Поэтому-то я и остановилась такъ долго передъ афишей... „Что, барышня? вѣрно сегодня въ театръ собираетесь?“ раздался за мной звучный и пріятный баритонъ. Я такъ мало думала, что это обращеніе относится ко мнѣ, что, нисколько не испугавшись, обернулась къ говорившему: передо мной стоялъ, въ бобровой шинели и шапкѣ, очень красивый, не старый еще брюнетъ и улыбаясь, смотрѣлъ прямо на меня. Я посмотрѣла вокругъ

себя, чтобы видѣть съ кѣмъ онъ говоритъ, но онъ уже прямо мнѣ въ лицо повторилъ свою фразу: „Что, барышня, въ театръ сегодня?“ Тогда я, густо покраснѣвъ и сама не знаю, зачѣмъ, сдѣлавъ ему реверансъ, робко отвѣтила: „нѣтъ!“ и поспѣшно пошла впередъ; и Богъ знаетъ, какъ это случилось, но онъ пошелъ со мной рядомъ и пошелъ такъ увѣренно и смѣло, какъ будто бы мы были вѣкъ съ нимъ знакомы, или какъ будто бы онъ былъ мой родной братъ и ужъ не знаю, какъ и почему, но я этимъ не смутилась, разговаривала съ нимъ, на его вопросы—отвѣчала, на его шутки смѣялась... Помню, что онъ пришелъ въ настоящій ужасъ и негодованіе, узнавъ, что меня никогда не возить въ театръ. „Но это варварство! варварство!“ повторялъ онъ. Такимъ образомъ мы познакомились... Онъ проводилъ меня до самого дома, пожелалъ всего лучшаго и успѣха въ наукахъ и сказалъ, что теперь, зная въ которомъ часу я ухожу изъ гимназіи, онъ на- дѣется со мной часто встрѣчаться, такъ какъ самъ живетъ въ этой же сторонѣ и почти въ одно время со мной кончаетъ свои утреннія занятія... Я была въ восторгѣ... Почему я была въ восторгѣ—я не могла бы объяснить; я инстинктивно чувствовала, что въ этомъ есть что-то дурное; что бабушкѣ этого рассказать нельзя, тѣмъ не менѣе мнѣ очень нравилось, что у меня появился откуда ни возьмись, такой красивый, такой интересный знакомый... Мнѣ особенно нравилась тайна... и я рѣшила не говорить объ этомъ никому. Прошло два дня и мы встрѣтились снова и встрѣтились уже какъ друзья: „А, а, а! какъ же вы поживаете?“ фамильярно спросилъ онъ меня и мы опять пошли вмѣстѣ. Не могу рассказать своихъ ощущеній—знаю одно—мнѣ было стыдно, и неловко, такъ какъ я сознавала, что поступаю нехорошо, что обманываю бабушкино довѣріе—хотя, что въ этомъ дѣйствительно было нехорошаго—я не понимала; съ другой стороны—мнѣ было крайне лестно, что со мной знакомъ и ведетъ настоящіе разговоры, какъ со взрослой барышней, какой-то,

*) См. № 1.

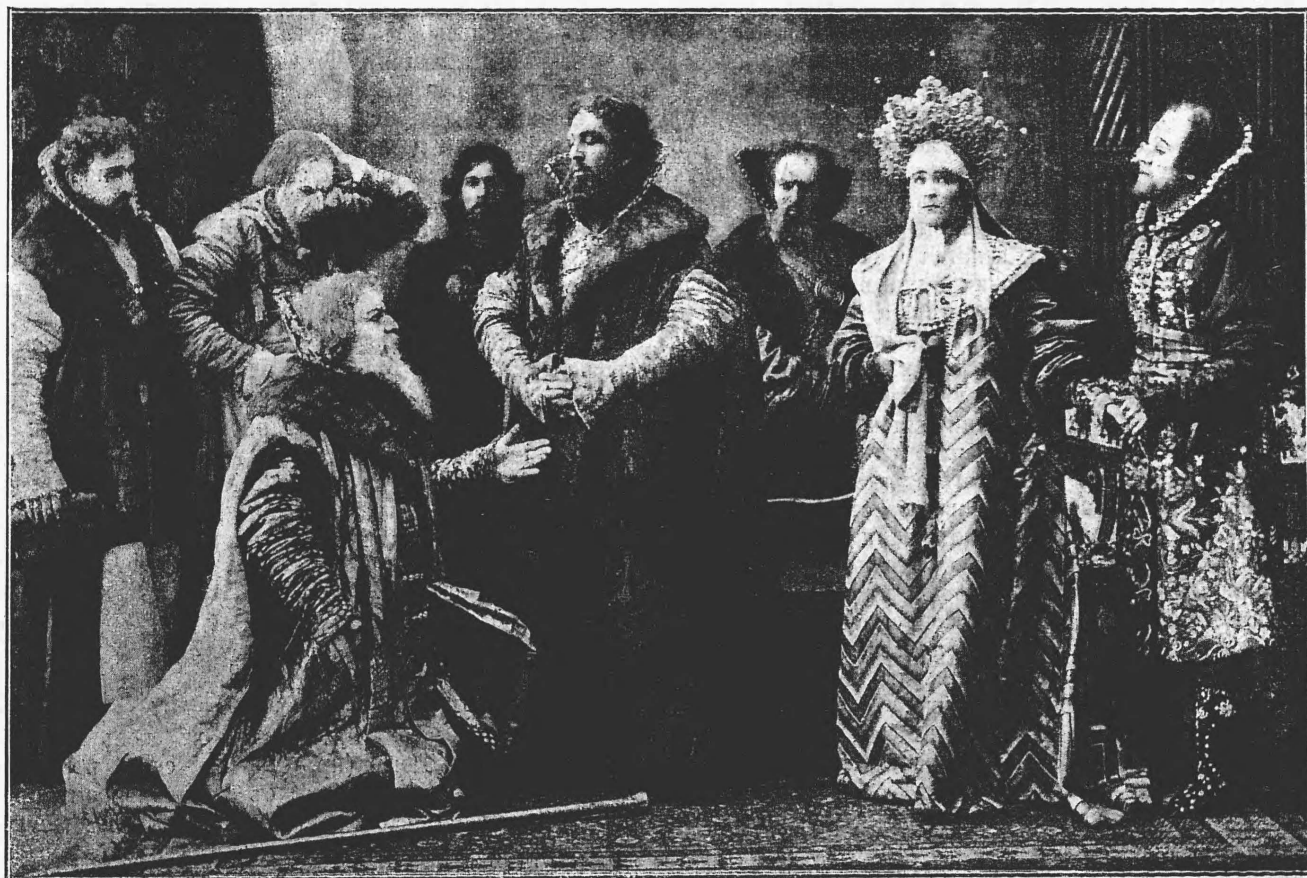
„Царь Федоръ“. (На Москвѣ сценѣ).

„Царь Федоръ“.

3-й актъ 2 ая карт.

5-й актъ 1-ая карт.

по всей видимости, образованный и хорошего общества господинъ... Я шла рядомъ съ нимъ съ большимъ удовольствіемъ: мнѣ все въ немъ нравилось—и его наружность, и щеголеватая одежда, и манера говорить; и видимо онъ стоилъ вниманія, такъ какъ на него многие оглядывались. Но каковы же были мой испугъ и удивленіе, когда на поворотѣ одной улицы намъ встрѣтились три моихъ подруги, изъ которыхъ одна была Надя Мартенсъ. Я какъ-то совершенно забыла, что встрѣча эта весьма возможна, а потому ужасно испугалась. Но мой испугъ былъ ничто въ сравненіи съ ихъ удивленіемъ! Онѣ какъ увидѣли меня, такъ и замерли на мѣстѣ съ широко открытыми глазами, совершенно парализованныя отъ изумленія, когда я съ замираніемъ сердца и дѣлая видъ, что не замѣчаю ихъ, прошла мимо со своимъ спутникомъ... На другой день я не охотно шла въ гимназію.. Я знала, что на меня набросятся съ распросами, но что я могла отвѣтить? Кто былъ мой интересный знакомецъ? Какъ его звали... Я не знала ничего... И вдругъ, когда едва я вошла въ классъ, какъ на меня со всѣхъ сторонъ посыпались упреки и укоризны: „Ахъ, ты тихоня!“ кричали со всѣхъ сторонъ. „Такъ-то ты не знаешь Арскаго?“ А сама гуляешь съ Арскимъ?“ Одиѣ кричали: „Счастливица!“ другія вопили: „Безсовѣстная!“ Весь классъ уже зналъ о моей прогулкѣ и... это былъ Арскій!... Да—самъ Арскій!... Его знали всѣ, такъ какъ бывали въ театрѣ и не знала его—одна я... Я сдѣлалась героиней... Я должна была рассказать самымъ подробнымъ образомъ, какъ и гдѣ, и на какомъ мѣстѣ я познакомилась съ нимъ; какъ и что—онъ говорить; какія онъ носитъ перчатки и пахнутъ ли отъ него духами, и многое еще другое... Но съ этого момента мой маленькій романъ—пересталъ быть моимъ личнымъ романомъ, а сталъ достояніемъ всего моего класса. Теперь, когда мы гуляли, за нами, въ почтительномъ отдаленіи, шли всегда мои подруги, и зараженная всеобщимъ восторгомъ, я и сама стала также неистово обожать Арскаго. Что было съ его стороны—я не знаю. Къ чести его надо сказать, что онъ не воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ и не говорилъ мнѣ никакихъ пошлостей. Его, видимо, забавляло мое обожаніе, которое я и не думала скрывать: я рассказала ему, что знаю, что онъ великій Арскій, что всѣ мои подруги его обожаютъ, что я несчастна, ибо не увижу его на сценѣ и т. д. Онъ слушалъ меня съ довольною улыбкой, а когда я говорила „великій Арскій!“ то случалось, и оглядывался назадъ на моихъ подругъ и улыбался имъ, а онѣ кричали ему вполголоса: „божественный!“ „геній!“ Тогда онъ смѣялся и говорилъ мнѣ: „какія вы всѣ славныя дѣвочки“. И дальше этого у насъ не шло. Рассказывать день изо дня наши встрѣчи, походы, наши дѣтскіе восторги и выходки было бы долго. Скажу только, что и мнѣ, и подругамъ моимъ одновременно пришла въ голову блестящая мысль—пригласить Арскаго на нашъ гимназическій спектакль! Когда я сказала ему объ этомъ, онъ нѣсколько поморщился, но встрѣтивъ мой умоляющій взоръ, видимо, сжалился надо мной и спросилъ: „что же вы будете играть?“ И когда я назвала нашу злополучную пьесу, онъ расхохотался. „Охъ, Боже мой“, говорилъ онъ смѣясь отъ души: „барышня милая, какъ ни интересно мнѣ васъ видѣть, но боюсь, что это страшная галиматья—это разъ! а второе, я во французскомъ языкѣ не очень-то силенъ—я и половины не разберу“. Но тутъ ужъ я приложила все свое умѣнье, всѣ свои силы, чтобъ убѣдить его, и наконецъ онъ обѣщалъ, что если получить пригласительный билетъ, то явится на нашъ спектакль.

Пригласительный билетъ! Сколько униженій, ловкости, притворства и даже лжи пришлось намъ употребить, чтобы обойти нашу юркую начальницу и добыть билетъ для Арскаго. И мы его добыли...

Наконецъ, все было кончено, всѣ затрудненія и непреодолимые препятствія преодолены... А ихъ было не мало... Начать хотя бы съ того, что приходилось ученицѣ играть мужчину. Наша начальница была въ мучительномъ положеніи—какъ быть! Брата изъ пьесы выкинули, слугу обратили въ служанку... но отца, который именно долженъ былъ открыть объятія возвращающейся дочери и воскликнуть: „viens, viens mon ange chéri!“ непременно надо было играть... Надѣтъ, на воспитанницу панталоны? Это было немислимо: на спектакль должна была присутствовать сама жена попечителя округа, и всѣмъ были извѣстны ея пуританскія убѣжденія... Какъ быть? Наконецъ, послѣ долгихъ конференцій, рѣшено было, что поверхъ платья ученицы будетъ длинный до полу плащъ, затѣмъ приклеить съдую бороду и на голову надѣнуть съдой парикъ, и такимъ образомъ она будетъ, какъ двѣ капли воды, старикъ-отецъ. Боже мой! Я какъ сейчасъ вижу свѣжее личико Нади Мартенсъ, украшенное длинной предлинной бородой, и какъ она, простирая ко мнѣ руки (ногти ея почему-то выкрасили черной краской) старалась изо всѣхъ силъ говорить хрипло: „viens, viens, que je t'embrasse, ma fille chérie!“ Однимъ словомъ все было улажено, устроено, мы всѣ знали роли наизусть, намъ казалось, что пьеса у насъ идетъ прекрасно, и наконецъ насталъ день спектакля... Дома у меня происходила кутерьма... Дѣдушка и бабушка получили пригласительные билеты на веленовой бумагѣ и были взволнованы до крайности. Какъ ни трудно было дѣдушкѣ, но невозможно было не пойти посмотреть на любимую внучку, да еще и въ главной роли; поэтому вынималось и вывѣтривалось парадное платье, бабушка купила даже новые перчатки; Акулина сбилась съ ногъ, возясь все время съ утюгами; но кому больше всѣхъ досталось отъ нашего гимназическаго спектакля—такъ это нянѣ Тюпѣ. Всѣ мои французскіе монологи, мой возгласъ и даже стихи, я прибѣгая къ ней въ комнату съ паюсомъ декламировала передъ ней и она все выслушивала невозмутимо спокойно, и не понимая ни единого слова, постоянно приговаривала: „такъ, такъ, моя маточка! такъ, моя золотая! Вотъ это мнѣ ндравится!“ И я воодушевлялась ея похвалами и мнѣ казалось, что я играю очень хорошо... Но все же даже ей—я не говорила о томъ, что я задумала.. Боже ты мой, что я задумала, что я только задумала... Откуда у меня взялась смѣлость! Я рѣшила, никому ни сказавъ ни единого слова, передѣлать стихи, которые я должна была сказать при воспоминаніи о моей родинѣ: *je t'adore, je t'adore ma charmante patrie, qui t'a vue un jour, jamais, jamais ne t'oublie!*.. рѣшила передѣлать на обращеніе къ Арскому... Да, я поклонилась самой себѣ, что глядя прямо на него произнесу:

„Je t'adore, je t'adore,
Mon idole chéri.
Qui t'a vu un jour,
Jamais, jamais ne t'oublie!“

Я повторяла это десятки разъ въ день и глядя прямо на няню Тюню (представляя себѣ, что такъ я буду глядѣть на Арскаго) съ такимъ жаромъ произносила ихъ ей, что она видя мой азартъ, даже говорила: „Ну, ужъ золотая моя—ты бы что иное утвердила—а то все тадоръ да тадоръ“. Должно быть мое волненіе было чрезмѣрно, такъ какъ я рѣши-

тельно не помню ничего до того момента, когда я въ дырочку въ занавѣси разсматривала собиравшуюся публику: вотъ плыветъ величественная жена попечителя; вотъ тощая, какъ смерть, съ ядовитымъ лицомъ жена дивизионнаго генерала, а вотъ и мои милые дѣдушка и бабушка: они вошли очень прилично, хотя дѣдушка долго и церемонно распаркивался передъ начальницей; но бабушка была очень импозантна въ своемъ лиловомъ атласномъ платьѣ, съ кружевной косыной на головѣ и въ новыхъ перчаткахъ, такъ что начальница усадила ихъ даже въ первый рядъ; я долго блуждала глазами по залу, тщетно разыскивая дорогую знакомую мнѣ фигуру и сердце мое замирало отъ ужаса: неужели же онъ не придетъ? И вдругъ увидѣла его очень спокойно сидящаго во второмъ ряду, на крайнемъ стулѣ съ лѣвой стороны. Я впиалась въ него глазами... Я видѣла его въ первый разъ не въ шляпѣ и безъ шубы. Онъ мнѣ казался еще лучше, чѣмъ прежде. Онъ сидѣлъ очень спокойно и равнодушно оглядывалъ публику, закинувъ руку за спинку стула. Какъ хорошо было его блѣдное лицо! Какъ выразительны его большіе черные глаза! Мое сердце стучало... Какъ онъ удобно сидитъ; вотъ отсюда, съ этого мѣста, я, глядя прямо на него, произнесу: „Je t'adore, je t'adore mon idole cheri“! Лицо мое горѣло... Мнѣ казалось, что никогда не начну... Но занавѣсъ подняли— пьеса началась... Мы входили, уходили, приходили, говорили, садились, вставали и никто ни разу не сбился... Все шло очень хорошо... Но я не смѣла смотрѣть на Арскаго... Мнѣ казалось, что для того, чтобы онъ меня понялъ, мнѣ именно слѣдовало поднять на него глаза только въ тотъ моментъ, когда придетъ время сказать то, что предназначалось для него, для него одного! Пойметъ-ли онъ меня? Но дѣйствіе тнулось нескончаемо... Мы опять ходили, сидѣли, говорили и все безъ единой ошибки... Въ залѣ царила тишина... Было-ли кому весело?—не знаю! Я ждала только одного: того момента, когда скажу ему: „je t'adore, je t'adore mon idole cheri“! Я не сомнѣвалась, что онъ и теперь весь слухъ, весь вниманіе и что онъ слѣдилъ за каждымъ моимъ словомъ, за каждымъ моимъ движеніемъ и это наполняло мое существо гордостью и заставляло меня играть мою роль, какъ можно манернѣе. И вотъ онъ насталъ желанный моментъ! Я должна была наконецъ, патетически произнести свои пылкіе стихи. Я встала... сердце мое билось, грудь поднималась... Я была взволнована до крайности... Наконецъ, произнеся предварительно про себя наскоро: „Боже, помини царя Давида и всю кротость его“! (молитва, которой научила меня няня Тюня для всѣхъ экстренныхъ моментовъ жизни) я рѣшилась и произнесла съ чувствомъ: „je t'adore, je t'adore“!.. и подняла глаза прямо на Арскаго... Но какими словами передамъ я то чувство горя, обиды, оскорбленія, которое моментально выразилось и разразилось слезами... да самыми ребяческими дѣтскими слезами, съ захлебываньемъ, съ всхлипываньемъ,— ибо онъ спалъ! Да, Арскій спалъ самымъ безмятежнымъ образомъ, склонивъ голову себѣ на грудь и даже слегка похрапывая... Онъ спалъ, не вытерпѣвъ до конца французскаго спектакля и не подозревая, какое горе онъ причинилъ этимъ бѣдному шестнадцатилѣтнему сердцу! Онъ спалъ, а я, закрывъ лицо руками, рыдала, рыдала до того горько, что мой плачъ понемногу переходилъ въ истерику, и можно себѣ представить, что произошло въ залѣ... Начальница, публики, дѣдушка и бабушка всѣ бросились ко мнѣ на сцену—мнѣ давали воду, бромъ, еще что-то... Мнѣ растегнули платье, меня увели, потомъ увезли домой, спектакль не былъ доконченъ и можно себѣ пред-

ставить, сколько по этому поводу было толковъ. Однимъ словомъ—вышла дѣлая исторія.

Дома лежа съ компрессами на головѣ, я все думала, да думала только объ одномъ: о томъ, что онъ спалъ! Онъ спалъ! Я холодѣла отъ стыда и обиды и мнѣ казалось, что пережить это оскорбленіе—невозможно! И Богъ знаетъ?—простудилась я, когда меня везли разгоряченную домой, или дѣйствительно я была нервно потрясена, но только я серьезно заболѣла. И Боже мой! сколько горя и заботъ принесла моя болѣзнь моимъ дѣдушкѣ и бабушкѣ, и нянѣ Тюнѣ, день и ночь не отходившей отъ меня и Акулинѣ, постоянно бѣгавшей въ аптеку. А что говорю было въ гимназіи о неудавшемся спектаклѣ? А подруги, постоянно прибѣгавшія узнавать, что со мной? Даже начальница считала себя отчасти виновной въ моей болѣзни, такъ какъ она меня заставила играть. И когда у меня былъ жаръ, я все бредила: „je t'adore je t'adore“! и бабушка негодовала на спектакль и няня Тюня не переставая ворчала: „уморили дите съ своимъ кіатромъ“.

Когда я поправилась, Арскаго давно уже не было и онъ гастролировалъ въ другомъ городѣ. Конечно, ему никогда и въ голову не пришло, сколько горя невольно причинилъ онъ моему бѣдному дѣвичьему сердцу, которое не спало въ жуткой тревогѣ возраста,—тѣмъ, что спалъ...

Теперь, когда все это отошло въ область далекаго, когда я пережила столько настоящаго жизненнаго горя—мнѣ это горе кажется такой милой, поэтической шуткой и такъ хотѣлось бы хоть на денекъ, на мигъ единый вернуть и дѣдушку съ бабушкой, и няню Тюню, и Арскаго и даже Акулину... И я со вздохомъ, повторяю вмѣстѣ со старикомъ Шиллеромъ:

„Гдѣ вы, гдѣ вы—золотые дни моей юности“.

С. Шевиль.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Недавно исполнилось 50-ти лѣтіе артистической дѣятельности извѣстнаго актера Юсіфа Левинскаго и 40-лѣтіе его службы въ вѣнскомъ Бургъ-театрѣ. Какъ увѣковѣчилъ его имя Вѣнскій Бургъ-театръ у насъ уже сообщалось.

Кстати, о Левинскомъ. Въ послѣднемъ номерѣ журнала «Deutsche Revue» находимъ статью почтеннаго артиста о пребываніи его въ Россіи, заключающую, между прочимъ, нѣкоторыя театральныя впечатлѣнія. Побывавъ г. Левинскій на представленіи «Ревизора» въ театрѣ Корша, и вынесъ самое радостное впечатлѣніе.

Г-жа Романовская, игравшая роль городничихи, напомнила Левинскому знаменитую нѣмецкую актрису Христину Геббель. Смотри игру г. Свѣтлова, Левинскій вспомнилъ двухъ первоклассныхъ артистовъ западной сцены: покойнаго знаменитаго актера «Burgtheater'a» Фихтнера и артиста «Théâtre Français»—Брессана.

Отъ г. Грекова Левинскій въ совершенномъ восторгѣ, но ни съ кѣмъ его не сравниваетъ, находя его «перерусскимъ» («urrussisch»).

Въ своемъ режюме Левинскій дѣлаетъ одно общее замѣчаніе, и совершенно вѣрное, касающееся всѣхъ русскихъ ар-

Иосифъ Левинскій.

тистовъ. Въ русскомъ актерѣ, по наблюденію автора, есть одна въ высшей степени достопримѣчательная черта: его никогда не оставляетъ спокойствіе, даже въ самыхъ рѣзкихъ положеніяхъ, чѣмъ выподняетъ главное требованіе искусства. Левинскій ищетъ объясненія такой подробности исполненія русскаго актера вообще въ на турѣ русскаго человѣка, который не любитъ суеты («zappeln»), — вѣрнѣе «животрепетанія». Но эта черта, несобыкновенно цѣнная для русскихъ произведеній, совершенно напрасно переносится на произведенія иностраннаго классическаго репертуара. Когда въ этакое, «истовомъ», темпѣ играютъ Гюго или «Укрощеніе стропти вои» — оно смахиваетъ на похороны великихъ произведеній.

Недавно вышла въ Парижѣ не совсѣмъ обыкновенная книга, посвященная жестокой критикѣ современнаго французскаго общества, точнѣе, французской литературы и, въ частности, театра. Книга эта носитъ названіе «Комедія нашихъ дней» (La Comédie d'aujourd'hui); авторъ ея, подписавшійся просто «L'homme», вотъ что говорить о себѣ и о книгѣ: «Возможно, что единственное достоинство предлагаемой книги заключается въ ея искренности... Въ старину рыцари пускались въ путь для защиты страждущихъ, новый Донъ-Кихотъ, я слышую ихъ примѣру. Я сражаюсь за разумъ и здравый смыслъ». Книга безпощадно бичуетъ современную французскую литературу. Поэзіи нѣтъ, есть одно шарлатанство, даже не остроумное, а плоское; критика не лучше поэзіи. Жюль Леметръ пишетъ пьесу и, не мало не смущаясь, самъ посвящаетъ ей обширную критическую статью за своею подписью, подробно перечисляя красоты, и глубину своего произведенія. А прочіе газетные критики ему аплодируютъ». Особенно сильно нападаетъ L'homme на развращенность современнаго газетнаго міра. Но перейдемъ къ вопросу, который насъ ближе занимаетъ.

«Въ современной драмѣ и комедіи все поглощено картинами супружеской невѣрности, — какъ будто бы у всего человечества не осталось уже никакихъ иныхъ чувствъ и занятій. Было время, когда французскій театръ имѣлъ серьезное литературное значеніе, но въ послѣднія двадцать лѣтъ новыя драматургии до такой степени увлеклись натурализмомъ самаго дешеваго сорта, что ни о чемъ другомъ и не думаютъ, кромѣ того, чтобы привлечь публику «пищантными» сценами. «Войдите въ любой изъ нашихъ театровъ, — вы вездѣ увидите, въ сущности, все одну и ту же пьесу: картину супружескихъ невѣрностей, приправленную болѣе или менѣе крупной солью плохого бульварнаго остроумія... Нынѣшній театръ не можетъ выдержать сравненія даже съ циркомъ; это — не болѣе, какъ передняя веселого дома, для котораго, на самомъ дѣлѣ, и работаютъ нынѣшніе драматурги». Порокъ вѣдѣсь вполнѣ у себя дома. Для актеровъ, а особенно для актрисъ, театръ чаще всего служитъ только вывѣской, прикрывающей «искусство» совсѣмъ иного рода... При этомъ, тщеславіе и самодовольство этихъ людей не знаетъ никакихъ предѣловъ: «они не понимаютъ деликатной похвалы, — имъ нужна хвала торжественная, грубая лесть, превозносящая ихъ выше всякой мѣры, выше всякаго здраваго смысла. Попробуйте сказать, напр., Коклену, что онъ — большой талантъ: онъ разобидится; если вы желаете сказать ему пріятное, — кричите, что онъ величайшій художникъ всѣхъ временъ и народовъ, артистъ, какого никогда не бывало, нѣтъ и не будетъ, богъ драматическаго искусства! Наша великая Сара не терпитъ никакихъ сравненій ни съ какими знаменитостями: она сама по себѣ, единственная, божественная; боги создали ее нарочно для того, чтобы показать крайніе предѣлы своего могущества. Можно было бы составить цѣлую книгу изъ хвалебныхъ эпитетовъ, которыми осыпали эту актрису пресмыкающіеся критики. Передъ нею, словно передъ божествомъ, ползали на колѣняхъ академики, поэты, журналисты, и она, благосклонно улыбаясь, не разъ присутствовала при собственному апогею». Поэты спустились съ своихъ заоблач-

ныхъ высотъ и начали сочинять сонеты въ честь новой Мельпомены. Даже старики отъ восторга потеряли рассудокъ: Коппе плакалъ... Всѣ газеты были полны ея славой; всѣ требовали для нея ордена Почетнаго Легіона, какъ для единственной представительницы безсмертнаго искусства въ нашъ нѣкъ упадка талантовъ. Цѣлую недѣлю весь Парижъ былъ занятъ вопросомъ о томъ, получить ли она этотъ орденъ, — и на министерство вылить былъ нѣкій ушатъ помоявъ, когда оно рѣшительно отказало въ этомъ ходатайствѣ»...

Театральной критики уже давно не существуетъ: она обратилась въ открытую торговлю похвалами и, въ случаѣ падобности, порицаніями, въ такую же наемную класку, какъ и та, которая разсаживается въ театрахъ въ дни первыхъ представленій. Газеты и театры связаны между собою формальными трактатами. Публика это хорошо знаетъ, а потому и не обращаетъ на рецензентовъ уже никакого вниманія и идетъ не туда, куда они ее зовутъ, а туда, гдѣ ей больше нравится.

Tout comme chez nous...

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ХАРЬКОВЪ. Праздничный репертуаръ нашего драматическаго театра отличался довольно заѣзженнымъ репертуаромъ. Главнымъ и отвѣственнымъ режиссеромъ считается г. Песоцкій, который создаетъ репертуаръ и распределяетъ роли. Г. Песоцкій среди сезона «разсчиталъ» г. Сарматова, изваливъ на другихъ артистовъ весь репертуаръ. Г. Шуваловъ и Смирновъ, напримѣръ, играли не переставая съ 25 дек. по 6 января, а иногда и 2 раза въ день. Изъ праздничныхъ шли «Джентльмэнъ», «Двѣ сиротки», «Памела», «Контролеръ» (въ 6 разѣ) и «Сонъ». Это для дѣтей г. Песоцкій выбралъ «Сонъ». Какъ мы слышали, г. Песоцкій отказался, въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ, отъ режиссерства на слѣдующій сезонъ. Артистомъ же и режиссеромъ въ нашу труппу приглашенъ г. Людвиготъ, подписавшій уже контрактъ.

30 дек. въ бенефисъ «не главнаго» режиссера главной нашей труппы Д. А. Александрова поставлена была новая пьеса «Ложка» соч. г. Дубельтъ. Объ этой пьесѣ много было сказано на страницахъ «Театра и Искусства». Г-жа Бѣльска прорвала весьма изрядно роль Кузнецовой. Въ роли Кузнецова выступилъ г. Шуваловъ, а въ роли Валеріи г-жа Анненская. Изъ роли Палицына г. Смирновъ создалъ живое лицо и удостоился шумныхъ аплодисментовъ. Роль сына Кузнецова игралъ... г. Петипа, вѣроятно, изъ любезности. Мы бы еще должны были сказать объ исполненіи г-жи Дитириховой роли Нины, но, во-первыхъ, указывать артистѣ, мнившей себя Дузэ, бесполезно, а во-вторыхъ не безопасно, такъ какъ въ мѣстной прессѣ у нея есть горячіе защитники.

Праздничный репертуаръ оперы составленъ довольно разнообразно. Вотъ перечень всѣхъ пьесъ съ 25 дек. по 6 янв.: «Пиковая дама», «Ваня и Маша» (д. спек.), «Садко», «Русланъ и Людмила», «Снѣгурочка», «Князь Игорь», «Рогнеда», «Дубровский», «Жизнь за Царя», «Садко», «Евгеній Онегинъ», «Русалка», «Моцартъ и Сальери» (въ первый разъ новая опера Римскаго-Корсакова) и «Севильскій цирюльникъ», «Демонъ» и «Баль-маскарадъ» (бенеф. Г-жи Шмидтъ). Опера кн. Церетелли дѣлаетъ въ этомъ сезонѣ сборы выше среднихъ; на праздникахъ билеты брались съ бою; «Садко», поставленный въ 4 разъ, далъ по возвышеннымъ цѣнамъ 2400 р. (послѣднее студенческое мѣсто 75 коп.).

Подвизающаяся съ 25 дек. въ циркѣ брат. Никитиныхъ малороссійская драма подъ управленіемъ г. Старицкаго и при участіи г-жи Зиньковецкой, дѣлаетъ прекрасная дѣла. Труппа платитъ собственникамъ театра 45% съ cadaго вечераго сбора за всѣ расходы, т. е. за помѣщеніе, отопленіе, освѣщеніе, афиши и т. д., — всѣ эти расходы берутъ на себя собственники театра.

А. П. Б.

ВЛАДИВНАЗЪ. Въ добавленіе къ тому, что нашимъ читателямъ уже извѣстно, намъ пишутъ, что товарищество получило за первый мѣсяцъ 35 коп. за рубль, а за второй и до самаго праздника ни копѣйки, а наоборотъ, есть еще дефицитъ въ 1200 руб. Сборъ на праздникахъ до новаго года совсѣмъ слабые и еле покрываютъ расходы. Если сборы съ Нового года и поправятся, то все-таки до конца сезона члены товарищества не получаютъ ничего, въ виду дефицита. Спокойны пока только тѣ артисты, которые на жаловань. Члены же товарищества находятся въ настоящее время въ ужасномъ положеніи: у всѣхъ все вложено и надежды даже нѣтъ на будущее. Виновата во всемъ М. С. Савина, во-первыхъ, неумѣло завѣдывавшая репертуаромъ, и во вторыхъ, выступая въ роляхъ молоденькихъ дѣвушекъ и дамочекъ. Затѣмъ виноваты въ распущенности актеры, и на сценѣ, и

даже на улицахъ, бульварахъ, клубахъ и духанахъ, та же ужасающая распушенность.

По поводу постановленія комиссіи о расторженіи контракта, газета «Казбекъ», между прочимъ, замѣчаетъ:

«Мы знаемъ, что комиссія была избрана думой для наблюденія за точнымъ исполненіемъ контракта. Что это значитъ?—А это значитъ, что она имѣла право лишь штрафовать антрепренершу и вообще примѣнять только такія мѣры, которыя указаны въ контрактѣ. И лишь въ томъ случаѣ, когда эти мѣры оказались бы палліативами, лишь въ томъ случаѣ, когда комиссія убѣдилась бы, что этимъ путемъ борьба съ безобразіями рѣшительно ни къ чему не приводитъ,—лишь въ этомъ случаѣ она имѣла право... доложить думѣ о необходимости расторгнуть контрактъ. Права же расторгнуть контрактъ самолично, по первому своему прихотливому желанію, она не имѣла, не могла имѣть и не имѣетъ. Да если бы это право и было у нея, то развѣ можно было поступить такъ, какъ поступила она? Не испробовавъ ни одного средства борьбы съ злоупотребленіями, ео ipso поощряя ихъ въ теченіе болѣе трехъ мѣсяцевъ, вдругъ передъ самыми праздниками выбросить на улицу, оставивъ безъ куса хлѣба, свыше 40 человекъ и въ то же время оставить городъ на праздники же безъ театра—воля ваша, но я право же затрудняюсь, какъ это назвать?!»

Замѣчанія совершенно резонныя. Театръ пока оставили за товариществомъ. Очевидно, намѣреніемъ думы положила предѣлъ администрація. Въ общемъ, однако, какая печальная исторія!..

IV.

ТИФЛИСЪ. Зимній сезонъ у насъ въ полномъ разгарѣ. Кромѣ оперы въ казенномъ театрѣ, драматическихъ спектаклей въ «Артистическомъ Обществѣ» и чередующихся одинъ за другимъ благотворительныхъ концертовъ и вечеровъ въ разныхъ клубахъ, на праздникахъ начинается свои представленія овереточное товарищество подъ управленіемъ г-жи Догмаровой въ театрѣ Грузинскаго Дворянства и открываетъ свои двери вновь отремонтированный циркъ братьевъ Никитиныхъ.

Оперный сезонъ въ казенномъ театрѣ открылся 20 сентября подъ новой антрепризой И. Р. Фарина. Составъ труппы смѣшанный—италиано-русскій, и не въ примѣръ подвизавшимся у насъ раньше товариществамъ, весьма многочисленнымъ.

Женскій персоналъ: г-жи Калигарисъ, Ольгина—драматическое сопрано; Маршадъ, Ваулина (бывшая артистка Маринской сцены)—лирическое сопрано; Мартелони—колоратурное сопрано; Компадинио. Попова, Кровецъ—меццо-сопрано; Самойлова, Никитская и Волина—вторыя роли.

Мужской персоналъ: гг. Герцо, Маркони, Борисенко, Кастаньянъ и Арцимовичъ—тенора; Максаковъ, Дела-Торе, Каміонскій—баритоны; Чиротте, Трубинъ, Гагаенко и Гецевичъ—басы; Званцевъ, Каргартели, Бобринскій—вторыя роли.

Къ достоинствамъ труппы текущаго сезона, помимо личности въ составѣ ея весьма талантливыхъ исполнителей, пользующихся въ провинціи солидной репутаціей, слѣдуетъ отнести: разнообразный репертуаръ, тщательная постановка и хорошій оркестръ, руководимый талантливыми маэстро гг. Пагани и Барбини. Отрицательная сторона—это разноязычіе. Последнее, являясь результатомъ поощренія антрепризой мѣстной италианоманіи, давно слѣдовало бы вывести, такъ какъ оно нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія и вредитъ сценическому ансамблю.

Сборы, въ началѣ сезона ниже средняго, въ последнее время, благодаря введенію въ репертуаръ новыхъ оперъ и серіи бенефисовъ, значительно поднялись. Изъ новинокъ для Тифлиса до сихъ поръ поставлены: «Князь Игорь», «Богема» и «Опричникъ». Первая изъ названныхъ оперъ сразу завоевала симпатіи нашей публики и сдѣлалась репертуарной. Помимо общеизвѣстныхъ музыкальныхъ достоинствъ самой оперы Бородина, успѣху ея содѣйствуютъ главные исполнители въ лицѣ г-жи Ольгиной и гг. Максакова, Борисенко и Трубина. Нравится также и дѣлаетъ сборы опера «Богема», благодаря подкупающей своей свѣжестю мелодичной музыкѣ. Что же касается «Опричника», поставленнаго 21 декабря, то, судя по первому представленію, этой оперѣ врядъ ли можно у насъ предсказать успѣхъ. Принадлежа къ первымъ и наиболѣе слабымъ произведеніямъ Чайковскаго, опера уже терять отъ одного сравненія съ такими перлами музыкальной литературы, какъ «Евгеній Онѣгинъ» и «Пиковая Дама».

Изъ бенефисовъ пока отмѣтимъ бенефисы г-жи Мартелони, Маршадъ и гг. Каміонскаго и Борисенко..

IV—б.

ТОМСКЪ. Наконецъ, нашъ антрепренеръ П. П. Струйскій началъ принимать мѣры къ пополненію своей труппы и, вмѣсто выбывшихъ гг. Горина-Гульшина и Діевскаго, пригласилъ Панормова-Сокольскаго и Печорина. Кромѣ того, онъ ожидаетъ на дняхъ прибытія артистки Вольской, тоже приглашенной имъ. Съ появленіемъ гг. Панормова-Сокольскаго и Печорина, интересъ къ театру, замѣтно, увеличился и публика начала посѣщать его охотнѣе. Г. Панормовъ-Сокольскій исполнилъ роли Хотнева («На жизненномъ пиру»), Незлобина

(«Мужъ знаменитости») и Василя Коркина («Каширская старина»). Какъ исполнилъ—вопросъ особый. Г. Печоринъ пріятный комикъ, ведущій роли, обыкновенно, съ большою простотой и не прибѣгающій къ шаржу. Онъ хорошо сыгралъ роль Меѣра («Мужъ знаменитости»), Бородавки («Каширская старина»), Горемыкина («На жизненномъ пиру») и др. Но недостаткомъ женскихъ персонажей въ труппѣ, все-таки, даетъ себя чувствовать и нѣкоторыхъ артистокъ, вынужденныхъ выступать въ роляхъ, неподходящихъ къ ихъ средствамъ, иногда просто жаль—какъ, напр., комическую старуху г-жу Прокофьеву, не рѣдко появляющуюся въ роляхъ *grande dame*.

Сборы въ театрѣ еще болѣе улучшились съ пріѣздомъ хора М. Д. Агреневой-Славянской, управляемаго ея отцомъ извѣстнымъ Д. А. Агреневымъ-Славянскимъ. Последній вступилъ въ соглашеніе съ г. Струйскимъ и спектакли даются теперь съ участіемъ хора. Ставятся бытовые пьесы, въ которыя входятъ пѣніе народныхъ пѣсень, и кромѣ того—до начала пьесы идетъ концертное отдѣленіе, въ которомъ хоръ Агреневой-Славянской исполняетъ по нѣскольку номеровъ былинъ и пѣсень, а въ качествѣ солистки выступаетъ М. Д. Агренева-Славянская. Хоръ имѣетъ у насъ большой успѣхъ,—публика шумно привѣтствуетъ исполненіе почти каждаго номера и требованіямъ повтореній и вызовамъ Д. А. Славянскаго и его дочери—конца нѣтъ...

Изъ пьесъ съ участіемъ хора, пока, были даны «Каширская старина», «Чародѣйка», «Русская свадьба» и «Царская невѣста» (Льва Мея). Первые три спектакля прошли почти при полномъ театрѣ,—на «Каширскую старину» для многихъ даже не хватило мѣстъ.

Д. А. Славянскій въ 1898 г. уже второй разъ въ Томскѣ (впервые онъ посѣтилъ его въ сентябрѣ мѣсяцѣ). Въ настоящее время онъ возвращается изъ артистическаго турнѣ по Восточной Сибири, гдѣ онъ со своимъ хоромъ давалъ концерты въ Красноярскѣ, Енисейскѣ и Иркутскѣ.

Любители наши также не бездѣйствуютъ и кружокъ ихъ 15 декабря далъ спектакль (въ театрѣ же, снятомъ на этотъ день у г. Струйскаго) съ благотворительной цѣлью. Была поставлена комедія Л. Толстого «Плоды просвѣщенія» и, сверхъ ожиданія, исполненіе было весьма удовлетворительное. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ обнаружили положительную талантливость—какъ гг. Бѣлявскій и Воронцовъ, г-жи Смирнова, Ровичъ и друг. Передъ этимъ спектаклемъ былъ данъ концертъ оперной артистки В. А. Кронбергъ. Въ концертъ было и драматическое отдѣленіе,—шли прологъ изъ драмы Мея «Исковитянка», въ которомъ очень хороша была г-жа Пальчикова, и водевилъ «Побѣдителей не судятъ», хорошо разыгранный г-жей Ю. О. Строговой и г. Струйскимъ. Сама концертанка произвела хорошее впечатлѣніе своимъ пѣніемъ. Это—музыкально образованная пѣвица, участвовавшая ранѣе въ Томскѣ въ труппѣ Брагина въ качествѣ оперной исполнительницы.

Вс. Сибирскій.

САРАТОВЪ. Пользуясь отчетомъ мѣстнаго отдѣленія Императорскаго русскаго музыкальнаго общества и учрежденнаго при немъ музыкальнаго училища, съ 1 сентября 1897 по 1 сентября 1898 гг., сообщая нѣсколько свѣдѣній о дѣятельности того и другого. За отчетное время въ училищѣ обучалось 301 чел., въ томъ числѣ 221 ученица и 80 учениковъ. По специальностямъ учащіе дѣлились: классъ фортепіано—247 чел., кл. пѣнія—27 ч., кл. скрипки—22 ч., кл. духовыхъ инструментовъ—3 и классы виолончели и альта по одному ч. По сословіямъ: больше всего было дѣтей дворянъ (72 ч.), и меньше всего—крестьянъ (20 ч.) и духовнаго званія (14 ч.); по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 227 ч., евреевъ 12 ч., остальные—католики и лютеране. Предводителемъ отдѣленія состоитъ супруга г. начальника губерніи, княгиня М. А. Мещерская; директоромъ училища—С. К. Экснеръ; составъ преподавателей—изъ 16 лицъ по художественнымъ предметамъ и 8 лицъ по общеобразовательнымъ (законъ Божій, русскій яз., арифметика, географія, исторія, иностр. языки). Средства отдѣленія составляютъ отъ разныхъ поступленій, —главнымъ образомъ, изъ взносовъ за ученіе (болѣе 15 тыс. руб.); между прочимъ, поступило отъ городской Думы 1000 р. Изъ расходныхъ статей, конечно, самая крупная—жалованье преподавательскому персоналу, немного превышающее самую крупную доходную статью—ученическіе взносы. Имущество отдѣленія ежегодно увеличивается; въ скоромъ времени училище будетъ имѣть собственное зданіе, мѣсто для котораго, по ходатайству кн. М. А. Мещерской, уже отведено на казенномъ участкѣ, въ центрѣ города. Въ отчетномъ году отдѣленіе устроило нѣсколько симфоническихъ и квартетныхъ собраній съ участіемъ оперныхъ артистовъ и еще больше ученическихъ вечеровъ. Собранія и вечера, происходившіе по субботамъ, привлекали довольно много публики.

До праздниковъ опернымъ товариществомъ поставлены: «Мазепа», «Африканка», «Карменъ», «Князь Игорь», «Маккавей», «Демонъ», «Эрнани», «Русланъ и Людмила», «Травиата», «Дубровскийъ» и «Фераморскъ». Въ общемъ, дѣло поставлено очень недурно; нѣкоторыя оперы («Анда», «Русланъ»,

«Фераморс») идутъ съ весьма хорошимъ ансамблемъ; слабѣе прошли «Маккавей» и «Князь Игорь». Труппа, какъ я ужъ писалъ, почти цѣликомъ состоитъ изъ молодыхъ силъ, со свѣжими голосами. Отличіе дѣствующаго товарищества отъ прежнихъ труппъ заключается въ томъ, что нынче обращено вниманіе на ансамбль, тогда какъ прежде опера ставилась какъ бы для одного, для двухъ извѣстныхъ въ провинціи артистовъ. Прежде баритонъ г. Унковский или теноръ г. Закржевскій «блистали яркою звѣздой» среди безпомощныхъ товарищей, служившихъ чѣмъ-то въ родѣ живой декорации. Въ нынѣшней труппѣ выдающихся пѣвцовъ нѣтъ; все — ровно, гладко и добропорядочно. Для того, чтобъ блистать въ такой труппѣ, надо быть очень большимъ артистомъ. Прежде всего ансамбль, — вотъ правило, которымъ, очевидно, руководится г. Бородай въ драмѣ и оперѣ. Это не мѣшаетъ симпатіямъ публики группироваться около отдѣльных членовъ нашего опернаго товарищества. Г-жи Левандовская, Воброва, Корецкая, Пржебылецкая — пѣвицы, уже заручившіяся серьезнымъ расположеніемъ саратовцевъ. Мужской персоналъ въ этомъ отношеніи менѣе счастливъ, но хороший приемъ оказывается и гг. Агнивцеву, Агулинику, Брыкину, Сангурскому. Особенной любовью пользуется превосходный басъ г. Тарасовъ, которому, безъ сомнѣнія, принадлежитъ завидное будущее. Сборы пока средніе.

Пестоянный.

КІЕВЪ. Въ каждомъ почти городѣ должно быть какой-либо «кружокъ» любителей драматическаго искусства. Народился подобнаго рода «любительскій кружокъ» и у насъ въ Кіевѣ, нававший свою дѣятельность въ пріютіиъмъ его «клубъ велосипедистовъ» (Крешатицъ, домъ Попова), 22 ноября прошлаго года трехактнымъ фарсомъ «Теплые ребята». Наибольшій успѣхъ имѣли: г. Кульженко, позволявшій себѣ однако, вѣроятно, на правахъ «наипытнѣйшаго» режиссера любительской труппы нѣсколько фортелей (напр. сцена на диванѣ) да полдесятка остротъ и «отсебятинъ», затѣмъ г. Рубинъ, старавшійся всегда и во всемъ копировать артиста Р. З. Чинарова, и наконецъ г-жа Мизевская, любительница несомнѣнно даровитая. 28 ноября состоялся второй спектакль. Шла комедія «Сорванецъ». Заглавную роль «сорванца» исполнила г-жа Болотина. Для третьяго спектакля поставили три водевиля: 1) «Молчаніе», 2) «Приличія» и 3) «Затѣйница». 6 декабря былъ четвертый спектакль и опять «сборный», состоящій изъ: «Щекотливого порученія», бойко и весело разыграннаго г-жей Мизевской и г. Кульженко, затѣмъ «Дачнаго мужа» Антона Чехова и «Подъ душистою вѣткой сирени» Корнеліевой, въ которомъ недурны были г. Котомкинъ и г-жа Смуглова.

Кромѣ чисто клубныхъ спектаклей въ залѣ велосипедистовъ устраиваются и частные спектакли. Такъ извѣстная въ Кіевѣ артистка М. С. Искра-Гурина поставила отъ себя 13 декабря на клубной сценѣ съ участіемъ любительскихъ силъ пьесу И. Салова «Дармоѣдка», въ которой выдѣлялись лишь г. Скарупинъ (Фронтасевъ), г-жа Мизевская (Мариша) да г-жа Искра (Фронтасева). Остальные играли, какъ Богъ на душу положитъ, хотя, повидимому, очень старались.

Устраиваются еще любительскіе спектакли на Печерскѣ въ Военномъ клубѣ подъ режиссерствомъ артистовъ театра «Соловцовъ» Н. И. Маликова и Л. А. Львова. Разыгрываются преимущественно водевили.

На Подолѣ, въ Контрактовомъ залѣ, со втораго дня рождественскихъ праздниковъ начинается рядъ «народныхъ» и «общедоступныхъ» спектаклей, устраиваемыхъ Кіевскимъ попечительствомъ о народной трезвости. Обязанности режиссера принялъ на себя Г. Г. Фонъ-Нордгеймъ, окончившій драматическое училище (нынѣ прекратившее свою дѣятельность) С. Влюменфельда. Любителей набралось значительное количество, болѣе 30 человекъ, изъ нихъ большинство бывшіе ученики актера П. Н. Богданова, подвизавшіеся въ «народномъ» театрѣ лѣтомъ въ Китаевѣ. Для открытія ставятъ: 26 декабря — утромъ въ 12½ ч. по полудни пьесу Н. Полевого «Параша Сибирячка» съ участіемъ въ заглавной роли артистки театра Н. Н. Соловцова г-жи Орловой; вечеромъ того же дня идетъ комедія А. Н. Островскаго «Безъ вины виноватые».

Затѣмъ къ дальнѣйшимъ спектаклямъ намѣчены: «Бѣдность не порокъ» Островскаго, «Ванька ключникъ» Антропова, «Двѣ сиротки», «Женитьба» Гоголя, «Послѣдняя жертва», «Не такъ живи, какъ хочешь» Островскаго, «Послѣдній гость» эту же въ 1 дѣйствіи и мн. др. пьесъ.

Мѣстные благотворители отнеслись къ этимъ спектаклямъ весьма сочувственно и внесли значительную сумму для устройства сцены, декораций и другія нужды.

II. Гріе

КАЗАНЬ. Предпраздничный репертуаръ казанскаго театра былъ таковъ: 18 го декабря — «Женитьба Бѣлугина» и «Двѣ гончія по одному сѣдлу»; 20-го утромъ — «Коварство и любовь» и «Бабушкины грѣшники», вечеромъ — «Злая яма» и «Контролеръ спальныхъ вагоновъ» (въ 3 разѣ); 21-го «Степной богатырь» и «Угнетенная невинность» и 22-го «Полусвѣтъ» и «Ночное». Послѣдній предпраздничный спектакль, по обыкно-

венію, былъ въ пользу инвалидовъ, но, сверхъ обыкновенія, публики на этомъ спектаклѣ было немало. Обыкновенно, сколько мы помнимъ, управленіе театра посылало куда слѣдуетъ со спектакля 22-го декабря — 25. много 50 руб. — и дѣло съ концомъ — повинность удовлетворена. На этотъ же разъ въ пользу инвалидовъ вѣрно перепала не одна сотня.

Бытовые пьесы имѣютъ въ нашей труппѣ прекрасныхъ исполнителей и поэтому нельзя не пожалѣть, что онѣ ставятся не часто. Такъ г. Каширинъ, болѣе, чѣмъ хорошъ въ бытовыхъ роляхъ, менѣе ему удаются классическія роли. Напрасно въ свой бенефисъ г. Каширинъ ставитъ «Шейлока». Г-жи Шебуева и Голубева — также вполнѣ бытовая артистка, особенно первая.

Понятно, поэтому, что «Женитьба Бѣлугина», «Злая яма» и «Степной Богатырь» шли съ громаднымъ успѣхомъ — въ артистическомъ отношеніи. «Злая яма» вотъ уже второй сезонъ стала «боевою пьесой» въ Казани и имѣетъ полное право на успѣхъ — какъ по своему содержанію, но глубоко-гуманной идее, положенной въ ее основаніе, такъ и по превосходному исполненію нашими артистами. Въ этомъ сезонѣ, благодаря превосходной игрѣ г-жи Немировой-Ральфъ, даже самая неудачная роль барыни Павловой — была проведена отлично и пьеса теперь идетъ прямо художественно. Кстати: въ прошломъ году или въ сезонѣ 1896—97 г. въ Казани возникла даже идея — основать общество «помощи и защиты несчастнымъ женщинамъ». Собрать были и капиталъ, но теперь что-то замолкли слухи объ этомъ благомъ дѣлѣ. Не послужитъ-ли постановка «Злой ямы» къ оживленію.

«Коварство и любовь» исполнено нашими артистами также очень хорошо, благодаря г. Агареву и г-жѣ Артемьевой.

Не будемъ останавливаться на пресловутомъ «Контролерѣ», хотя мимоходомъ не можемъ не отмѣтить превосходнаго исполненія роли контролера г. Рюминымъ. Но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи поговорить о «Полусвѣтѣ» — Дюма. Г. Соколовскій игралъ Оливье прекрасно и это сказывалось въ каждомъ его движеніи, каждой фразѣ. Успѣхъ онъ имѣлъ шумный и показалъ намъ, что въ его лицѣ «Товарищество» имѣетъ большую силу.

Въ Казани говорятъ о дѣлѣ Агарева, вызваннаго на судъ чести рецензента и редактора «Саратовскаго Листка». Рецензентъ г. Сарахановъ принялъ вызовъ, а редакторъ г. Лебедевъ приглашаетъ г. Агарева для суда въ Саратовъ, отказываясь отъ суда въ Казани.

Одинъ казанскій кондитеръ, г. Маломѣрковъ выпустилъ въ продажу бомбоньерки съ фотографическими портретами лучшихъ артистовъ и артистокъ «Товарищества». Остроумно и по столичному... Доходить свѣтъ и до Казани...

Кромѣ «Ремесленного собранія», организовалъ спектакли и «Боголюбскій отдѣлъ общества трезвости», на одной изъ окраинъ города — Адмиралтейской слободѣ. Говорятъ о спектакляхъ и въ Военномъ собраніи.

Въ Ремесленномъ собраніи сначала ставились только водевили и фарсы, а теперь пытаются ставить, и не безъ успѣха, серьезные пьесы и даже драмы. Только наше «Общество изящныхъ искусствъ» снова заснуло, несмотря на военную музыку, которая гремѣла въ залѣ Общества.

КУРСКЪ. Въ газетѣ «Южный Край» № 6172 помѣщена статья г. Яблоновскаго о подношеніи актерамъ на сценѣ подарковъ отъ публики. Съ живѣйшимъ любопытствомъ читалъ я эту статью, проникнутый почти благоговѣніемъ передъ новымъ вѣяніемъ, нарождающимся среди служителей драматическаго искусства. Каждая строчка статьи проникнута была непоколебимою увѣренностью автора въ современную мощь актера на сценѣ и его почетное положеніе въ обществѣ. Актеръ не нищій, заключаетъ статью г. Яблоновскій, чтобы нуждаться въ подпискѣ О, если бы это было такъ! Но передо мной визитная карточка съ надписью: «артистъ малорусской и русской труппы такой-то (не хочу называть его фамиліи) проситъ о помощи». Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Обращался ли артистъ въ Русское Театральное Общество — не знаю, но извѣстно, что подписка дала въ его пользу болѣе 30 руб. и онъ, кажется, исчезъ, но куда? для возбужденія ли новой подписки или же для поисковъ соотвѣстственнаго тру

Къ намъ прибыло «товарищество оперныхъ артистовъ» подъ управленіемъ Серебрякова. Составъ труппы: женскій персоналъ: драматическое сопрано М. И. де-Маньи — артистка италянскіи оперы, Р. О. Шингелъ, М. И. Чернецкая, А. Д. Гуревич-Петрова, Е. С. Ставри. Мужской персоналъ: А. А. Серебряковъ, Я. Д. Мальцевъ, И. Д. Заряиновъ, В. А. Салко, Ю. А. Лутковский, А. П. Петровъ, Л. П. Фокинъ. Хоръ 20 человекъ, оркестръ 16 человекъ. Репертуаръ состоитъ изъ 37 оперъ, одна другой обстановочнѣе. Вѣроятно, привезена масса декораций, подумалъ я, но по справкѣ оказалось, что декораций нѣтъ, а предполагаютъ ограничиться тѣми, что есть на курской сценѣ, которыхъ едва ли достаточно для обстановки «Отелло Кузмича и Дездемоны Паникратевны».

Что дадутъ они курскому обществу, сообщу въ слѣдующій разъ.

А. Верицаевскій.

ХЕРСОНЪ. Последняя недѣля прошла въ дебютахъ вновь приглашенныхъ артистокъ г-жъ Мухаринской (на роли героинь) и Шуваловской (водев. и опереточн.) г-жа Мухаринская дебютировала въ трехъ пьесахъ; въ старой мелодрамѣ «Цыганка Занда» «Родинѣ» и «Генеральшѣ Матренѣ».

Всѣ эти дебюты прошли весьма неудачно для артистки. Наша публика не поддается на игру, быющую на эффектъ. Вторая дебютантка г-жа Шуваловская была счастливей первой. Выступивъ въ опереткѣ «Мамзель Нитушъ», она понравилась публикѣ живостью не переходящей мѣру приличія. Обладая довольно пріятнымъ голосомъ и подходящей внѣшностью, артистка можетъ вполне надѣяться на симпатію публики. 1 декабря начались гастроль братьевъ Роберта и Рафаэля Адельгеймъ, до настоящаго времени съ ихъ участіемъ было поставлено: «Уриэль Акоста» съ Робертомъ въ заглавной роли и Рафаэлемъ въ роли Бенъ-Акибы, «Гамлетъ» (Рафаэль) «Разбойники» съ Робертомъ въ роли Карла «Кинъ» (Робертъ) «Король-Лиръ» (Лиръ Рафаэль, Эдгаръ Робертъ) и «Фаустъ» съ Рафаэлемъ въ роли Мефистофеля и Роберта ученикъ. Братья Адельгеймъ пользуются здѣсь громаднымъ успѣхомъ; жаль только, что почти всѣ эти пьесы проходятъ со слабымъ ансамблемъ. Сборы полные и по возвышеннымъ цѣнамъ.

Г.

ПЕНЗА. Весь ноябрь, благодаря дождливой и сырой погодѣ, сборы въ обоихъ театрахъ были, въ общемъ, ниже средняго. Ноябрьскіе бенефисы поэтому въ матеріальномъ отношеніи нельзя назвать удачными, хотя немногочисленная публика встрѣчала бенефициантовъ шумными овациями и подношеніями. Такъ именнo прошли бенефисы: г. Ростова («Честъ»), г-жи Трубецкой («Дамская война») и «Всѣ мы жаждемъ любви»), г. Бориславскаго («Тайна») и г. Стрепетова («Арказоновы»). «Честъ» имѣла средній успѣхъ За исполненіе роли Роберта бенефицианта сильно и много вызывали. Кромѣ него выдѣлялись: г. Самарскій (Трасти) и г-жа Чалѣва (Элеонора).

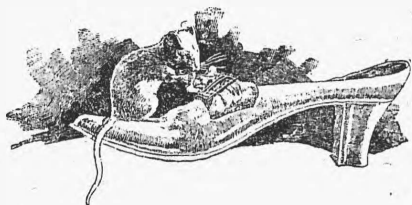
«Тайна» была разыграна не особенно складно, съ не совсѣмъ удачнымъ распредѣленіемъ ролей, и потому оставила какое-то неопредѣленное впечатлѣніе. Изъ исполнителей отмѣтимъ г-жу Кварталову (Симочка), которая внесла въ роль много шаловливости.

«Арказоновы» прошли съ успѣхомъ. Бенефицианта (г. Стрепетова) принимали очень тепло. Арказановъ Дмитрій вышелъ въ передачѣ г. Самарскаго довольно вялымъ, нерѣшительнымъ.

Очень недурно была поставлена въ декоративномъ и режиссерскомъ отношеніи драма «Набатъ». Гладко прошла также комедія «Чужіе».

Аплодисменты начались со втораго акта и сопровождали нѣкоторые уходы среди дѣйствія. Прочувствованный послѣдній монологъ Дебольцева-отца (г. Самарскій) произвелъ впечатлѣніе. Недурно сыграла Уткину г-жа Чалѣва. Артистка заслуженно пользуется симпатіями нашей публики; во многія роли она вноситъ отдѣлку и колоритность исполненія.

— ф.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ.

Съ 11-го по 25-е января 1899 г.

Александринскій театръ. Понедѣльникъ, 11-го января: «Царь Борисъ», трагедія. — Вторникъ, 12-го января: «Исторія одного увлеченія», пьеса. — Среда, 13-го января: «Двѣ судьбы», пьеса. — Четвергъ, 14-го января: «Борцы», комедія. — Пятница, 15-го января: «Волки и овцы», комедія. — Суббота, 16-го января: Вечеромъ: Въ пользу семьи драматурга Н. Я. Соловьева. «Женитьба Бѣлугина», комедія (Цѣны мѣстамъ обыкновенныя). — Воскресенье, 17-го января: Утромъ: «Ревизоръ», комедія (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Волшебная сказка», пьеса. — Понедѣльникъ, 18-го января: «Борцы», комедія. — Вторникъ, 19-го января: Бенефисъ г-жи Савиной. Въ 1-й разъ по возобновленіи: «Невольницы», комедія; «Вечеръ въ Сорренто», сценка. — Среда, 20-го января: «Свѣтитъ, да не грѣетъ», драма. — Четвергъ, 21-го января: «Царь Борисъ», трагедія. — Пятница, 22-го января: «Волшебная сказка», пьеса. — Воскресенье, 24-го января: Утромъ: «Женитьба», комедія;

«Въ чужомъ пиру похмелѣе», комедія (Цѣны мѣстамъ уменьшенныя). Вечеромъ: «Безприданница», драма.

Михайловскій театръ. Понедѣльникъ, 11-го января: «Nos intimes», com. (Abonnement suspendu). — Вторникъ, 12-го января: «Nos intimes», com. (1-er abonnement, spectacle № 17). — Среда, 13-го января: «Блестящая карьера», комедія. — Четвергъ, 14-го января: «Nos intimes», com. (2-ème abonnement, spectacle № 17). — Пятница, 15-го января: Въ 1-й разъ: «Путь къ славлѣ», комедія. — Суббота, 16-го января: Bénéfice de m-r Paul Reney. «La meute», com. nouvelle (Abonnement suspendu). — Воскресенье, 17-го января: «Отчий домъ», драма. — Понедѣльникъ, 18-го января: «La meute», com. nouvelle (Abonnement suspendu). — Вторникъ, 19-го января: «La meute», com. nouvelle (1-er abonnement, spectacle № 18). — Среда, 20-го января: «Путь къ славлѣ», комедія. — Четвергъ, 21-го января: «La meute», com. nouvelle (2-ème abonnement, spectacle № 18). — Пятница, 22-го января: «Отчий домъ», драма. — Суббота, 23-го января: Bénéfice de m-r Lortheur. «Le controleur des Wagons-Lits», com. nouvelle (Abonnement suspendu). — Воскресенье, 24-го января: «Блестящая карьера», комедія.

Маринскій театръ. Понедѣльникъ, 11-го января: «Снѣгурочка», опера (г-жи Козаковская, Дулова, Фриде, Долина; гг. Морской, Кравченко, Шароновъ, Майборода и др.) (9-е представленіе 4-го абонементъ). — Вторникъ, 12-го января: «Дубровскій», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Каменская; гг. Фигнеръ, Угриновичъ, Яковлевъ, Титовъ, Стравинскій, Фрей, Климовъ 1-й и др.). — Среда, 13-го января: Бенефисъ г-жи Пьерини-Леньяни. Въ 1-й разъ по возобновленіи: «Корсаръ», балетъ. — Четвергъ, 14-го января: «Корделія», опера (г-жи Куза, Славина, Насилова; гг. Ершовъ, Тартаковъ, Стравинскій, Серебряковъ и др.) (9-е представленіе 5-го абонементъ). — Пятница, 15-го января: «Карменъ», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Мравина, Слатина, Насилова; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Фрей и др.). — Воскресенье, 17-го января: Утромъ: «Евгеній Онѣгинъ», опера (г-жи Болъска, Насилова, Лузинова, Юносова; гг. Фигнеръ, Смирновъ, Титовъ, Касторскій и др.). Вечеромъ: «Корсаръ», балетъ (г-жа Леньяни) (33-е представленіе абонементъ) (Цѣны мѣстамъ возвышенныя). — Понедѣльникъ, 18-го января: «Снѣгурочка», опера (г-жи Дулова, Слатина, Долина, Насилова; гг. Чупрынниковъ, Шароновъ, Фрей Бухтояровъ и др.) (10-е представленіе 1-го абонементъ). — Вторникъ, 19-го января: «Фаустъ», опера (г-жи Болъска, Каменская, Долина; гг. Морской, Яковлевъ, Бухтояровъ и др.). — Среда, 20-го января: «Снѣгурочка», опера (г-жи Михайлова, Козаковская, Славина, Фриде; гг. Чупрынниковъ, Смирновъ, Серебряковъ и др.) (7-е представленіе 3-го абонементъ). — Четвергъ, 21-го января: «Дубровскій», опера (г-жи Медея-Фигнеръ, Каменская; гг. Фигнеръ, Яковлевъ, Стравинскій, Майборода и др.) (10-е представленіе 2-го абонементъ). — Пятница, 22-го января: «Эскадронда», опера (г-жи Болъска, Фриде; гг. Ершовъ, Карелинъ, Смирновъ, Фрей, Майборода и др.). — Суббота, 23-го января: Спектакль въ пользу, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государя Императора, русскаго театральнаго общества. 1) 2-й актъ оперы «Риголетто» (г-жа Михайлова; гг. Фигнеръ, Тартаковъ, Стравинскій); 2) 1-й актъ оперы «Паяцы» (г-жа Медея Фигнеръ; гг. Фигнеръ, Карелинъ, Яковлевъ и Смирновъ); 3) 3-й актъ балета «Пахита»; 4) «Ноктюрнъ», пьеса; 5) «Пришелъ желанный», драма; 6) «Le sargise», com. — Воскресенье, 24-го января: Утромъ: «Жизнь за Царя», опера (г-жи Будкевичъ, Долина; гг. Ершовъ, Серебряковъ и др.). Вечеромъ: «Корсаръ», балетъ (г-жа Леньяни) (34-е представленіе абонементъ) (Цѣны мѣстамъ возвышенныя).

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Н. Арбатовъ: любовникъ и разные характерные роли. Великіе Луки, Псковской губ., Почтовая контора до востребованія.

Нужны артистки и артисты

въ г. ЛОМЖУ.

Товарищество. Сезонъ съ 1 января до Пасхи, Обращаться съ приложениями по адресу: Фонтанка, 40, мебл. комн. Централь № 3.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Косметическіе спермацетовые личные утиральники
косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистою, нѣжною и пріятно освѣжаетъ. Удобное средство въ дорогѣ, гдѣ лицо особенно подвержено вліянію солнца, пыли и вѣтра.

Особенную важность имѣютъ они для гг. артистовъ и для лицъ, употребляющихъ гримировку, бѣлила, румяна и проч.

Цѣна 60 коп. за пачку, съ пересылкою не менѣе 2 пачекъ 2 руб.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ красными чернилами и марку с.-петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ. Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ., № 2. (с.)

Только-что поступилъ въ продажу во всѣ главные музыкальныя и книжныя торговли и въ ГЛАВНОМЪ СКЛАДѢ

(С.-Петербургъ, Троицкая 38).

1899 г. МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ 1899 г.

А. ГАБРИЛОВИЧА.

Справочная и Записная книжка для Музыкантовъ и любителей музыки годъ изданій пятый. Цѣна въ изданіи колѣнокорономъ переплетѣ, 1 руб.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ заключаетъ въ себя три отдѣла:

I. Записная книжка на каждый день года. Общекалендарныя свѣдѣнія.

II. Музыкальный Адресъ-Календарь Россіи. Свѣдѣнія о столичныхъ и провинціальныхъ городахъ Россіи.

III. Справочная музыкальная книжка. Законы и правила. Конкуренсы, Новости музык. литературы. Біографич. свѣдѣнія о русскихъ и иностр. композиторахъ. Новый проектъ законоположеній о музык. собственности. Краткій музык. словарь. Планы театровъ и концертн. залъ и проч. и проч.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Календарь этотъ отличается полнотою, практичностью въ распределеніи матеріала и большою точностью свѣдѣній: (Р. В.).

„Музыкальный Календарь“—драгоценный и незаменимый спутникъ не только артиста-концертанта и музыканта-педагога, но и каждого вообще, занимающагося или просто интересующагося музыкою. (М. О.)

„Музыкальный Календарь“ изданъ изящно и по цѣнѣ и по формату совершенно приспособленъ къ современному карману. (Т. И.).

РУССКОЕ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

желая заблаговременно составить на слѣдующій зимній сезонъ труппу, приглашаетъ гг. драматическихъ артистокъ и артистовъ желанія свои заявить Предсѣдателю театальной коммисіи Сосновскому въ г. Ригѣ, Мельничная ул., 48, кв. 11, указавъ свои амплуа, окладъ содержанія въ мѣсяцъ и гдѣ нынѣ состоятъ. Со стороны же общества полное обезпеченіе своевременнаго полученія жалованья. Сезонъ продолжается съ 1 октября по Великій постъ. Въ недѣлю три спектакля, на рождественскихъ же праздникахъ и масляной недѣли больше. Подробности при личной перепискѣ.

Въ конторѣ журнала „Театръ и Искусство“ продаются слѣдующія пьесы:

„Трильби“. Ц. 1 р. 50 к., „Водоворотъ“ В. Авсеенко. Ц. 1 р. 50 к., „Катастрофа“ А. Будницова и А. Федорова. Ц. 1 р. 50 к., „Наканунъ“ А. Плещеева. Ц. 60 к., „Нѣтъ худа безъ добра“ Пальерона. Ц. 50 к., „Влюбленная“ др. Марко-Прага. Ц. 1 р. 50 к., „Ночь“ шутка Невродова. Ц. 50 к., „Мошенкъ“, шутка въ 1 д. В. Вептовина. Ц. 50 к., „Вѣра Иртепьева“, др. въ 3 д. Н. А. Лухмаповой. Ц. 1 р. 50 к., „Якорь спасенія“ (Ma cousine) Ц. 1 р. 50 к., „Трудовой день“ ком. въ 1 д. Ц. 60 к., „Облачко“. Ц. 60 к., „Между дѣломъ“ др. въ 2 д. Роветта. Ц. 1 р., „Волшебная сказка“ Ц. 2 р., „Марьяна Ведель“ Ц. 1 р. 50 к., „Золотая Ева“. Ц. 1 р. 50 к., „Лизистрата“ О. Литерпера. Ц. 1 р. 50 к., „Юность“. М. Гальбе. Ц. 1 р. 50 к., „Сирапо де-Вержеракъ“. Э. Ростапа. Ц. 1 р. 50 к., „Невидимая сила“ Ц. 60 к., „Баба“ кп. Дм. Голицына. Ц. 1 р. 50 к., „Послѣдній Гость“. Ц. 60 к., „Сплетня“ г-жи Верховской. Ц. 1 р. 50 к., „Страницка романа“ эт. въ 1 д. Берниковъ. Ц. 60 к.

Иллюстрированный каталогъ костюмовъ и бутафорскихъ вещей Бр. А. и Л. Лейфертъ ц. 75 коп., „Графъ де Ризооръ“ В. Сарду пер. Н. Арбенина, Иллюстр. изд. ц. 1 р. 25 коп.

При выпискѣ пяти пьесъ дѣлается уступка въ 30%.

ПАМЯТЬ

(лицу КАЖДАГО возраста) укрѣпляетъ лично и заочно (въ 10 урокъ.) профессоръ мнемоники, членъ Парижской академіи, С. Файнштейнъ. Первый и единственный въ Россіи преподаватель искусства изощренія и укрѣпленія памяти и устраненія разсѣянности.

Посредствомъ моего метода, основаннаго на законахъ физиологій, психологій, логики и педагогики, ПАМЯТЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ потерянными ею, дѣлается хорошей у имѣющихъ плохую и лучшей у обладающихъ хорошей, при чемъ изощряется вниманіе и улучшаются всѣ умственные способности.

Въ несомнѣнной пользѣ и цѣлесообразности моего метода убѣдился въ теченіе моей 12-ти лѣтней дѣятельности на починѣ преподаванія мнемоники въ Россіи и за границей, гг. священники, врачи, педагоги, военные, студенты, актеры, художники и тысячи друг. лицъ разныхъ профессій, званій и возрастовъ, окончившихъ у меня курсъ изощренія и укрѣпленія памяти и удостоившихъ меня благодарности.

Методъ дважды промированъ Парижской Академіей.

ИНОГОРОДНИМЪ

высылаются условія за заочное преподаваніе и объемистую брош. (содержащ. многочисленныя благодарности официальныхъ и многихъ компетентныхъ лицъ, прошедшихъ у меня курсъ мнемоники) за одну 7-ми коп. марку, вышлетъ съ книгой *) (8-е изпр. и доп. изд.) „Что такое искусство укрѣпленія памяти?“ за шесть 7-ми коп. марокъ, на вѣленой бумагѣ — за восемь 7-ми к. мар.

Лично пр. въ г. Одессѣ, по Гаванной ул. въ д. № 373—31 (рядомъ съ Городекимъ садомъ), въ своей кш. бельэтажѣ, № 8, или въ своемъ главномъ бюро, кв. № 14.

Адресъ для простыхъ и заказныхъ писемъ: Одесса, въ „отдѣленіи бюро курсовъ заочнаго преподаванія мнемоники“, уг. Пушкинской и Вазарной ул., собственн. домъ № 373—318 профессору мнемоники С. Файнштейну.

(№ телефона въ городѣ 199, № телефона на собственн. дачѣ „Многозина“ 933).

*) Книга эта продается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Россійской Имперіи).

Новая книга

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ:

ГРАФЪ де-РИЗООРЪ

(PATRIE)

Драма В. Сарду. Переводъ Н. В. Арбенина (Пьеса безусловно разрѣшена къ представленію).

Иллюстрированное изданіе журнала „Театръ и Искусство“, съ портретами исполнителей и рисунками съ декораций при постановкѣ на сценахъ Императорскаго Московскаго Малаго театра и театра Литературно-Артистическаго Кружка.

Цѣна 1 р. 25 к.

Складъ изданія: Редакція „Театръ и Искусство“, СПб. Мохзвая, 45.

„КИЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ГАЗЕТА

будетъ выходить въ 1899 году

въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земнымъ и т. д.
- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.
- 3) Корреспонденция внутренняя и заграничная.
- 4) Извѣстия изъ славянскихъ земель.
- 5) Повѣсти и рассказы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).
- 7) Обзорные русские журналы и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 8) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Киева. Извѣстия изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
- 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Железныя дороги, пароходы, лечебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстия.

Подписная цѣна на „КИЕВСКОЕ СЛОВО“ съ доставкой и пересылкой на годъ—10 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; безъ доставки и пересылки: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 25 к., на 1 мѣс.—75 к. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногородняго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Киевѣ: 1) въ главной конторѣ, на Большой Владимирской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Изюковского. Въ Москвѣ и Петербургѣ—у Метцль и Ко.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „КИЕВСКАГО СЛОВА“, Большая Владимирская, домъ № 43.

Редакторъ Е. И. Игнатьевъ.

Издательница В. М. Антоновичъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НАРОДЪ“

(Третій годъ изданія).

Подписная цѣна газеты понижена до десяти рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой повсемѣстно въ Россію. Газета посвящаетъ себя разработкѣ вопросовъ государственной, общественной и хозяйственной жизни русскаго народа. Въ газетѣ между прочимъ отводится много мѣста вопросамъ железнодорожнаго дѣла въ Россіи, вопросамъ церковнымъ, вопросамъ военнымъ и вопросамъ, касающимся жизни провинціи. Сообщеніямъ изъ провинціи широко раскрыты страницы газеты, такъ какъ она сознаетъ важную роль, какую все болѣе и болѣе занимаетъ провинція въ жизни Русскаго Государства. Всякое сообщеніе, идущее отъ мѣстныхъ освѣдомленныхъ лицъ, касающееся жизни городовъ, земель, вопросовъ сельско-хозяйственныхъ, торгово-промышленныхъ и т. п., съ благодарностью принимается газетою, если оно проникнуто духомъ общей пользы, а не личныхъ счетовъ. Для болѣе яркаго освѣщенія провинціальной жизни въ газетѣ существуетъ особый отдѣлъ подъ заглавіемъ „Провинціальный фельетонъ“, въ которомъ слѣднія, полученные отъ корреспондентовъ и почерпнутыя изъ провинціальныхъ газетъ, разрабатываются сотрудниками, близко знакомыми съ провинціальной жизнью и спеціально для этой работы приглашенными.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Россіи, повсемѣстно, съ пересылкой: на 1 годъ 10 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к. За границу, въ государ. почтового союза: на годъ 14 р., на 6 мѣс. 7 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. 75 к. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ газеты, В. Морская, 36. Въ Москвѣ: въ конторѣ биржевого маклера И. Ю. Шульца (Старый Гостиный дворъ) и въ главномъ газетномъ агентствѣ К. Н. Александровой (на Тверской, противъ канцеляріи Генералъ-Губернатора).

Гг. провинціальные подписчики благоволятъ обращаться въ главную контору газеты въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ Н. Я. Стечкинъ.

Издатель А. П. Малышинскій.

№ 10 (3—1)

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

32-й годъ.

ДОНЪ

XXXII годъ.

(въ Воронежѣ) на 1899 г. Тридцать второй годъ изданія.

Со 2-го февраля 1899 года газета „ДОНЪ“ начинается 32-й годъ своего изданія. Просуществовавъ больше 30-ти лѣтъ, газета тѣмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціального района, отголоскомъ котораго она служила почти треть столѣтія, поэтому, открывая подписку на 1899 годъ, редакция ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ обещаній; что можно будетъ сдѣлать для улучшенія газеты—то будетъ сдѣлано. Условія подписки: Съ доставкой въ Воронежѣ: на годъ—6 р., полгода—3 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 1 мѣс.—75 к. Съ пересылкой въ другіе города: на годъ—7 р., полгода—4 р., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 1 мѣс.—1 р. Редакторъ-издатель В. Веселовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ
ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(Шестнадцатый годъ изданія).

Въ 1899 г. «Новое Обозрѣніе» будетъ выходить въ Тифлисѣ, какъ и въ прошлые годы, ежедневно, въ программѣ большихъ столичныхъ газетъ. Въ газетѣ, кромѣ мѣстныхъ силъ, въ истекшемъ году принимали участіе: К. С. Баранцевичъ, И. Ивановичъ, В. В. Лукивичъ, В. В. Лесевичъ, проф. Н. Марръ, М. А. Протопоповъ, К. В. Назарьева, А. Хакъ-овъ и другіе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ пересылкой и доставкой: на годъ—10 р., на полгода—6 р., на три мѣсяца—3 р. 50 к., на одинъ мѣсяцъ—1 р. 50 к. За границу: на годъ—17 р., на полгода—9 р., на три мѣсяца—5 р. (Подписка принимается не иначе какъ съ перваго числа любого мѣсяца). Для сельскихъ учителей льгота: подписная цѣна на годъ—7 р., полгода—4 р. Для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногороднихъ, обращающихся непосредственно въ контору редакціи, допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится—3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р. и къ 1-му сентября—2 р. Подписка и объявленія принимаются въ Тифлисѣ, въ конторѣ газеты, Барятинская ул., № 8. Иногородные адресуютъ свои требованія въ Тифлисѣ, въ редакцію «Новаго Обозрѣнія». Подписка и объявленія принимаются: въ Тифлисѣ—въ конторѣ газеты, Барятинская ул., № 8; въ Батумѣ—въ книжномъ агентствѣ М. И. Николадзе; въ Кутаисѣ—въ книжн. магазинахъ Чилладе и Бежанейшвили. Розничная продажа «Нов. Обозр.» въ Петербургѣ производится въ газетныхъ кіоскахъ: у Авичкина и Никол. мостъ, на Казанской площади, у Гостиного двора и въ газетномъ агентствѣ въ пассажѣ. (3—1)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г.

на ежедневную, политическую, общественную, литературную
и экономическую газету

„УРАЛЪ“

издающуюся по программѣ большихъ столичныхъ газетъ въ
г. Екатеринбургѣ, Пермской губерніи.

Газета посвящена преимущественно разработкѣ многочисленныхъ вопросовъ, касающихся обширнаго горнозаводскаго и торгово-промышленнаго Уральского края.

Въ газетѣ принимаютъ участіе всѣ наиболѣе выдающіяся мѣстные литературныя силы, а въ столицахъ имѣются собственные корреспонденты и сотрудники.

Цѣна на годъ съ пересылкой и доставкой 8 р., на полгода 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р. 75 к., на 1 мѣс. 1 руб.

Редакция газеты „Уралъ“ предприняла въ 1898 г. изданіе

«ПУТЕВОДИТЕЛЯ ПО УРАЛУ»,

который могъ бы служить справочной настольной книгой и пособіемъ для ознакомленія съ этимъ краемъ, богатымъ своей промышленной дѣятельностью, а еще болѣе мало изслѣдованными пѣдрами своими (въ которыхъ заключаются неисчислимыя богатства, ожидающія предприимчивыхъ людей), историческими и этнографическими условіями развитія, бытовыми особенностями и экономическимъ положеніемъ.

Изданіе поступитъ въ продажу въ январѣ мѣсяцѣ 1899 года.

Цѣна книги 2 р. 50 к., въ изданномъ переплетѣ 3 р. Выписывающіе непосредственно изъ конторы редакціи газеты „Уралъ“ за пересылку не платятъ.

Издатель В. Г. Ченанъ.

Редакторъ П. И. Пѣвинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

(третій годъ изданія)

III годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

III годъ

„ТЕАТРЪ и ИСКУССТВО“.

Въ 1899 г. журналъ „Театръ и Искусство“ будетъ издаваться по той же программѣ и съ тѣмъ же составомъ сотрудниковъ.

Наши постоянные читатели, безъ сомнѣнія, успѣли убѣдиться, что изданіе не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а совершенствуется по мѣрѣ силъ. Въ 1899 г. предполагено: 1) обратить особое вниманіе на дальнѣйшее улучшеніе иллюстрацій и вышшняго вида журнала, 2) увеличить количество пьесъ и нотныхъ приложений, 3) выпустить словари сценическихъ дѣятелей довести до буквы Д.

Путь нашего служенія задачамъ театра, литературы и искусства опредѣлился, надѣемся, съ достаточною ясностью. Наше слово всегда стремилось быть не только честнымъ, но и *серьезнымъ* словомъ. Этимъ стремленіемъ отдастъ справедливость всякій знающій насъ, а незнающему да поможетъ первый. Вотъ единственный способъ рекламы, который мы считаемъ дозволительнымъ, и который въ состояніи создать не только многолюдную, но и единонаправленную аудиторію

Въ 1897—98 гг. помѣщены были въ журналъ произведенія слѣдующихъ лицъ:

Авсѣенко В. Г., Александрова Н. А., Амфитеатрова А. В., Арбенниа Н. Ф., Бастунова Э. Д., Бентовина, Б. И., Блейхмана Ю. И., Вейнберга П. И., Гнѣдича П. П., Далматова В. П., Дѣянова А. П., Карпѣева М. В., Карпова Е. П., Кнорозовскаго И. М., Коринфскаго А. А., Кояловича М. М., Кравченко П. И., Кугеля, А. Р., Ленскаго Ал. П., Немировича-Данченко Вас. И., Немировича-Данченко Вл. Ив., Плещеева А. А., Потапенко И. Н., Преображенскаго В. П., Ростиславова А. А., проф. Сакетти Л. А., кн. Сумбатова А. И., Тихонова В. А., Федорова Н. Ф., Фоломѣева К. И., Фруга С. Г., Южнаго М. Г., Яснискаго І. І., Гриневской И. А. и друг.

Статьи по общественнымъ вопросамъ и теоріи театра, искусствъ и литературы. Фельетоны.

Критическіе этюды. Беллетристика. Обширныя корреспонденціи.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

1) 52 №№ журнала,

за годъ изящный томъ на хорошей бумагѣ около 1.000 страницъ, свыше 600 иллюстрацій и портретовъ.

2) нотныя приложенія,

3) 20 репертуарныхъ пьесъ, отдѣльными приложеніями, стоящихъ около 30 р.

Въ 1897—98 гг. даны, между прочимъ, слѣдующія пьесы, имѣвшія шумный успѣхъ:

„Трильби“, „Катастрофа“, „Наканунъ“, „Влюбленная“, „Вѣра Иртеньева“, „Трудовой день“, „Облачко“, „Волшебная сказка“, „Джентльменъ“, „Золотая Ева“, „Спиритизмъ“, „Лизистрата“, „Юность“, „Сирано-де-Бержеракъ“, „Баба“, „Страничка романа“, „Урокъ танцевъ“ и т. д.

4) Отдѣльные выпуски по мѣрѣ накопленія матеріала,

„СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ СЦЕНЫ“,

куда войдутъ портреты, біографіи, характеристики артистовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, театральныхъ критиковъ и т. п.

Подписная цѣна за годъ со всеми приложеніями съ доставкою . . . 6 р.

полгода . . . 4 „

Допускается рассрочка: при подпискѣ 2 р. и по 2 р. 1 го Марта 1 го Іюня.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Моховая, 45.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница Э. В. Тимофеева (Жолмская).

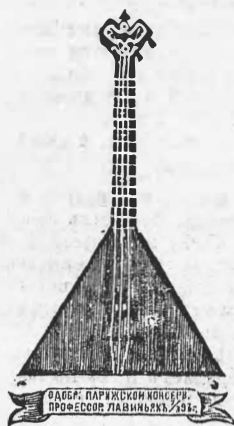
КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ „НАТУРЕЛЬ“.

Самая безвредная и прочная, окрашивающая волосы въ натуральные цвѣта: черныя, каштановыя и темнорусыя.

Краска „Натурель“ не имѣетъ дурного вліянія на волосы.

Цѣна коробки 1 р. 50 коп., съ пересылкою въ Европейскую Россію 2 р. 25 к. Требуется во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи.

Главный складъ: Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 13. 216 (г.—2)

Мастерская струнныхъ инструментовъ

В. В. ИВАНОВА.

сущ. съ 1873 г.

С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Тщательное и аккуратное изготовленіе новыхъ, а также и починка струнныхъ инструментовъ, какъ-то: скрипки, альты, виолончели, контрабасовъ, смычковыхъ и всѣхъ къ нимъ принадлежностей, мандалинъ, гитаръ, цитръ, концертинъ вѣнскихъ и народныхъ, балалаекъ, домръ и гуслей всѣхъ размѣровъ. Лучшія струны для всѣхъ инструментовъ.

209 (г.—5)

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 9 Января 1899 г.

Открыть секретъ

играть на роялѣ и фисгармоніи, по апан погъ. Книжка 20 коп. Пробн. ур. съ под- роби. и перес. 50 к. (можно марками), и 4 легк. пѣсни 1 р. Наложнымъ менѣе 1 р. не высылаю. Каталогъ пьесъ без- платно. Складъ изд. Спб. Вознесенск., д. 42. А. И. Поперековъ. № 202 (10—7)

Продается всадѣ

СЪ РАЗР. С.П.Б. СТОЛИЧ. ВРАЧ. УПРАВЛ.

ЛУДРА ЮНОСТИ

КОСМЕТИКА В. ЛИПШЕ

ПРИДАЕТЪ ЛИЦУ НѢЖНОСТЬ И БАРХАТИ- СТОСТЬ, УНИЧТОЖАЕТЪ КРАСНОТУ, НЕ СУ- ШИТЪ КОЖУ ЛИЦА, УДОБНО ПРИЛГАЕТЪ КЪ ЛИЦУ И НЕЗАМѢТНА ПРИ ДНЕВНОМЪ СВѢТѢ.

№ 105(г.)

Коробка 75 коп. и 40 коп.

НОВАЯ КНИГА

Стихотворенія А. М. Федорова.

Цѣна 1 р.

Типографія А. С. Суворина. Складъ из- данія Книжн. магаз. Суворина.

Типографія „Трудъ“, Сѣвгана, 86.